

Магисса

*Развод в 55:
Смирюсь и Справлюсь*

Магисса

Развод в 55: Смирюсь и Справлюсь

Магисса

Магисса –
**Развод в 55: Смирюсь
и Справляюсь**

«Литнет»

2025

– М.

Развод в 55: Смирюсь и Справлюсь / М. – — «Литнет», 2025

— Надя, давай без истерик. Мы люди взрослые. Я полюбил другую, она молодая, живая, а с тобой... с тобой мы уже все прожили. Квартиру делим, дачу — мне, у Ирочки аллергия на пыль, ей воздух нужен. Вот такой «подарок» преподнес мне муж на 55-летний юбилей. Прямо за праздничным столом, при детях и соседях. Ушел к 30-летней продавщице, хлопнув дверью. Он думал, я сломаюсь. Стану плакать в подушку и молить о возвращении? Не дожدهшься, Витя! Пока ты тратишь последние заначки на капризы молодой вертихвостки и стираешь свои носки сам, я начинаю жить заново. И оказывается, в 55 жизнь только начинается! Что ты говоришь? У «молодой» борщ кислый, а характер скверный? Назад просишься? Ну попробуй, докажи, что достоин. Только учти: прежней Нади больше нет. А новая тебе не по зубам... В тексте есть: Измена мужа и предательство Взрослые герои (50+) и настоящие чувства Мудрая героиня и наглый муж, который пожалеет Уютная атмосфера маленького города ☆☆☆ ХЭ (Счастливый конец)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4 (Виктор)	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7 (Виктор)	38
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10 (Виктор)	56
Глава 11 (Виктор)	62
Глава 12	67
Глава 13	74
Глава 14 (Виктор)	80
Глава 15	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Глава 1

Пятьдесят пять. Красивая цифра. Две «пятёрки», как в школьном дневнике, только вот жизнь за них оценки ставит не в журнал, а прямиком на лицо — морщинками у глаз, да тяжестью в ногах к вечеру.

Я стояла перед большим зеркалом в прихожей и критически осматривала свое отражение. Синее бархатное платье, купленное месяц назад в универмаге «Весна», сидело плотно. Может, даже слишком плотно. «Надо было брать на размер больше, Надя, — мелькнула предательская мысль. — Или меньше пробовать крем для торта». Я одернула подол, расправила несуществующую складку на животе и вздохнула.

Из кухни плыл густой, сытный запах запеченной курицы с чесноком и домашнего хлеба. Запах уюта. Запах, который я создавала в этой квартире тридцать лет.

— Надежда Петровна, вы там уснули? — донесся из гостиной голос соседки, Людмилы Сергеевны. — Холодец-то тает!

— Иду, Людочка, иду! — отозвалась я, натягивая на лицо улыбку. Сегодня мой день. И никто не посмеет его испортить. Даже собственные нервы.

В гостиной уже было шумно и душно. Январь за окном выдался лютый, батареи в наших пятиэтажках жарили так, словно пытались компенсировать минус тридцать на улице. Стол, раздвинутый на всю ширину комнаты, ломился от еды. Я готовила два дня. Ноги гудели, спину тянуло, но я не могла позволить себе ударить в грязь лицом. Хрустальные салатницы, которые мы с Витей покупали еще в девяностых по талонам, сверкали гранями. Салфетки сложены веером, как в ресторане. «Селедка под шубой» возвышалась фиолетовым куполом, украшенная веточками укропа.

За столом сидели самые близкие. Дочь Марина с мужем Костиком, Людмила Сергеевна из сорок пятой квартиры, да пара моих коллег из поликлиники — старшая акушерка Зиночка и регистратор Тамара.

Не было только одного человека. Главного.

— Мам, ну сколько можно ждать? — Марина недовольно постучала вилкой по тарелке. — Мы с Костей голодные, а папы всё нет.

Дочка выглядела уставшей. В декрете с младшим она совсем замоталась, вечно просила денег, вечно жаловалась на ипотеку. Я её жалела, подсовывала конверты с моей медсестринской зарплаты, а сама ходила третий год в одних сапогах.

— Сейчас придет, Мариша, — я села во главе стола, чувствуя, как внутри натягивается тонкая струна тревоги. — У него на заводе авария, наверное. Ты же знаешь отца, он пока все не проверит, смену не сдаст. Ответственный.

— Ответственный, — хмыкнул зять, наливая себе морсу. — Пятница, вечер. Какая авария? На стакане он где-нибудь, тещенька. Уж простите.

— Типун тебе на язык, Костя! — возмутилась Зиночка, поправляя очки. — Виктор Сергеевич — мужчина видный, серьезный. Не чета нынешней молодежи.

Я благодарно кивнула коллеге, но на душе скребли кошки. Витя не звонил. Абонент недоступен уже три часа. В голове крутились страшные картинки: сердце прихватило (давление-то скачет), машина заглохла на трассе, гололед...

— Давайте хоть проводим старый год моей жизни, — предложила я, поднимая бокал с домашней наливкой. Рука предательски дрогнула. — Спасибо, что пришли, родные мои.

Мы выпили. Зазвенели вилки. Гости накинулись на салаты.

— Ох, Надька, холодец у тебя — ум отъешь! — причмокивала Людмила Сергеевна. — Прозрачный, как слеза. А горчица-то — зверь! Мой покойный, царствие небесное, такую же любил. Ты Витьку-то береги, таких хозяек сейчас днем с огнем...

Я улыбалась, кивала, подкладывала зятю куриную ножку, а сама всё косилась на настенные часы. Восемь вечера. Восемь пятнадцать.

Где же ты, Витя? У нас юбилей. Тридцать лет вместе, да плюс мои пятьдесят пять. Я же подарок ему приготовила — новый набор инструментов, он давно на него в магазине смотрел, вздыхал, что дорого. Я с премии отложила.

В восемь тридцать в дверь позвонили.

Резко, требовательно. Не так, как звонят свои. Свои звонят коротко и весело. А тут — длинный, настойчивый звонок, словно почтальон с телеграммой о смерти.

— Пришел! — выдохнула я, и сердце подпрыгнуло к горлу. — Я открою! Сидите!

Я выскочила в коридор, на ходу вытирая руки о нарядный передник, который в суматохе забыла снять. Господи, хоть бы живой. Хоть бы просто задержался. Пусть пьяный, пусть с мужиками в гараже засиделся — я прощу, я разогрею, лишь бы всё было хорошо.

Я распахнула дверь.

И застыла.

На пороге стоял Виктор. Живой. Здоровый. Щеки разругались от мороза, седые виски припорошены снегом. Но смотрел он не на меня. Он смотрел куда-то поверх моего плеча, вглубь квартиры, словно оценивая обстановку.

На нем была новая дубленка. И новая рубашка — голубая, в мелкую клетку. Я эту рубашку не покупала. Я вообще не помнила, чтобы у него была такая вещь.

Но самое страшное было не это.

Рядом с ним, крепко держа его под руку, стояла женщина. Молодая. Лет тридцати, не больше. Яркая, как елочная игрушка, и такая же неуместная здесь, в моем пахнущем пирогами коридоре. Короткая розовая курточка, из-под которой виднелись голые колени в капроне (в такой-то мороз!), ботфорты на шпильке.

Она жевала жвачку, громко чавкая, и с любопытством разглядывала меня, как экспонат в музее древностей.

— Витя?.. — голос сорвался на шепот. — Это кто? С работы? Что-то случилось?

От Виктора пахло. Не морозом, не заводской смазкой и даже не перегаром. От него пахло приторно-сладкими женскими духами, табаком и коньяком. Этот запах ударил мне в нос, перебивая аромат моей курицы, и меня замутило.

Виктор молча отодвинул меня плечом. Не грубо, но так, как отодвигают стул, мешающий пройти.

— Заходи, Ириша. Не стесняйся.

Он прошел в квартиру прямо в ботинках. Оставил на чистом коврике грязные, снежные следы. Девушка засеменила за ним, цокая каблучками.

— Витя! — вскрикнула я, обретая дар речи. — Ты что творишь? У нас гости! Люди!

— Вот и отлично, — бросил он через плечо, даже не оборачиваясь. — Свидетелями будут.

В гостиной воцарилась тишина. Такая плотная, что было слышно, как гудит холодильник на кухне. Костя замер с рюмкой у рта. Марина выронила вилку. Людмила Сергеевна открыла рот, и кусочек холодца так и остался у нее на губе.

Виктор прошел к центру комнаты. Встал у стола, по-хозяйски оперся рукой о спинку стула, на котором сидела дочь.

— Знакомьтесь, — голос Виктора звучал хрипло, но твердо. С такой интонацией он обычно требовал путевой лист в диспетчерской. — Это Ира. Моя любимая женщина.

Тишина стала не просто плотной — она звенела. Я слышала, как в часах на стене тикает секундная стрелка: тик-так, тик-так. Уходит мое время. Уходит моя жизнь.

— Витя... — прошептала Людмила Сергеевна, прижав пухлую ладонь к груди. — Ты что же это, белены объелся? У Нади юбилей, люди кругом... Пошутил, что ли?

Ира, эта размалеванная кукла, вдруг звонко, вульгарно хихикнула. Она отлипла от локтя моего мужа, сделала шаг к столу и брезгливо сморщила нос.

— Ой, Вить, я же говорила, тут душно. И пахнет... — она помахала ладошкой с длинными, хищными ногтями перед лицом. — Старостью пахнет. И нафталином.

Меня словно кипятком ошпарили. Старостью? В моем доме, где каждый уголок вылизан, где пахнет выпечкой и чистотой?

— Рот закрый, — тихо сказала я. Сама от себя не ожидала, но голос прозвучал глухо, как из бочки.

Виктор дернулся.

— Надя, не хами, — он поморщился, словно у него вдруг заболелись зубы. — Давай без истерик. Мы люди взрослые. Я пришел сказать, чтобы честно было. Не по телефону, а в глаза.

Он наконец посмотрел на меня. В его глазах не было ни стыда, ни вины. Только усталость и какое-то глупое, мальчишеское упрямство. Так смотрят подростки, которых мать застукала за курением.

— Я ухожу, Надя. Насовсем. Я подаю на развод.

Звякнула вилка — это Зиночка уронила её на тарелку.

— Пап, ты чего? — подала голос Марина. Она смотрела то на отца, то на его спутницу. В её взгляде я с ужасом прочитала не возмущение, а расчетливый испуг. — Ты пьяный? Какая любимая женщина? Тебе скоро шестьдесят!

— Мне пятьдесят семь! — рявкнул Виктор, и шея у него покраснела. — Я еще мужик хоть куда! Это мать ваша себя в старухи записала, а я жить хочу! Я, может, только сейчас почувствовал, что такое — когда на тебя смотрят как на героя, а не как на предмет мебели!

Ира самодовольно улыбнулась и, протянув руку, подцепила с тарелки бутерброд с красной икрой. Той самой, которую я покупала по акции за три недели до праздника, берегла.

— Вкусно, но жирно, — заявила она, откусив половину и бросив остаток обратно на скатерть. Прямо на белоснежную, крахмальную скатерть. Жирное масляное пятно тут же начало расплываться. — Майонезный рай, честное слово. Как в прошлом веке. Витюш, поехали отсюда. У меня от этих салатов изжога начнется, даже если просто смотреть.

Я смотрела на это пятно. Оно казалось мне раной.

— Вещи я завтра заберу, — продолжал Виктор, не обращая внимания на выходку своей пассии. — Квартиру будем делить, по закону. Пополам. Разменяем, или ты мою долю выкупишь.

— Выкупишь? — переспросила я. Слова давались с трудом, язык ворочался, как чужой. — Витя, у нас дети. Внуки. Куда я пойду из трешки? В коммуналку?

— Это твои проблемы, — отрезал он. — А дачу... Дачу перепишешь на меня.

В комнате снова повисла тишина. Дача. Наши шесть соток за городом. Мой маленький рай. Дом, который мы строили десять лет, по кирпичику. Мои пионы, мои яблони, моя теплица, где я каждое лето пропадала кверху спиной, чтобы у внуков были свои помидоры без химии.

— Что? — выдохнула я.

— Что слышала. Дача мне останется. Я её строил, я горбатился. Да и Ирочке воздух нужен свежий, — он нежно приобнял девушку за талию. — У неё аллергия на городскую пыль.

Ей врачи рекомендовали природу. А тебе, Надь, зачем? Ты вон, на лавочке у подъезда посидишь. Спина целее будет.

— Аллергия, значит... — эхом повторила я.

Я перевела взгляд на Иру. Та стояла, прислонившись к моему серванту, и нагло рассматривала свои ногти. «Аллергия на пыль», — подумала я. — «У неё аллергия на совесть».

— Папа, ну какая дача? — вмешался зять, Костя. — Мы же там летом с детьми...

— Свои купите — и будете с детьми! — огрызнулся Виктор. — Всё, разговор окончен. Я не намерен тут оправдываться. Я имею право на счастье!

Он схватил Иру за локоть и потянул к выходу.

— Пошли, малыш. Здесь тухлятиной несет.

— Подожди, — Ира вдруг затормозила. Она окинула взглядом стол, гостей, меня в моем бархатном платье, которое вдруг показалось мне нелепым мешком. — Надежда... Петровна, да? Вы не обижайтесь. Просто у каждого товара свой срок годности. Ваш вышел. Смиритесь. Женщине в вашем возрасте надо о душе думать, носочки вязать, а не мужика держать. Ему же огонь нужен, страсть! А у вас тут... холодец.

Она рассмеялась своей шутке. Виктор, этот мой родной, знакомый до каждой родинки Витя, криво ухмыльнулся. Ему было неловко, но он не одернул её. Не защитил меня. Он выбрал смеяться вместе с ней.

Они вышли в коридор. Я стояла, не в силах пошевелиться. Гости сидели, опустив глаза в тарелки. Никто не встал. Никто не побежал за ним, чтобы дать по морде. Все просто молчали, пережидая чужой позор.

Хлопнула входная дверь. С потолка посыпалась мелкая побелка — Виктор всегда хлопал дверью, когда злился.

Звук захлопнувшейся двери прозвучал как выстрел.

— Ох, мамочки... — прошептала Марина. — Мам, ты только не плачь. Ну, бес в ребро, с кем не бывает. Перебесится и вернется. Ты ему только денег сейчас не давай, если просить будет, а то знаю я эту породу...

Я медленно повернула голову к дочери. Она уже деловито доедала салат, словно ничего страшного не случилось. Просто отец ушел. Просто жизнь рухнула. Просто мать унизили и растоптали, как грязный снег в прихожей.

— Вернется? — тихо переспросила я.

Я подошла к двери, где на ковре остались грязные, талые лужи от его ботинок. Четкие следы сорок третьего размера. Следы человека, который тридцать лет вытирал ноги о коврик, а сегодня вытер их об меня.

Я вернулась к столу. Взяла свой бокал с вином, к которому так и не притронулась. Рука дрожала, вино плескалось, оставляя рубиновые разводы на стекле.

— Значит, срок годности вышел? — спросила я пустоту. — Значит, носки вязать?

Я посмотрела на Людмилу Сергеевну. Та сочувственно качала головой, уже готовая завтра растрепать всему двору, как «Надку бросил муж ради молодухи». Я посмотрела на Зиночку, в глазах которой читался страх — «хоть бы со мной такого не случилось».

Я подняла бокал.

— Ну что ж. За новую жизнь, девочки.

Я залпом, как воду, выпила терпкое, невкусное вино. Горло обожгло. А потом размахнулась и со всей силы швырнула хрустальный бокал в закрытую дверь.

Звон разбитого стекла перекрыл тиканье часов. Осколки брызнули во все стороны, сверкая, как бриллианты, которых у меня никогда не было.

— Мама! — взвизгнула Марина.

— Тихо! — рявкнула я так, что дочь вжалась в стул.

Я чувствовала, как внутри, где-то в районе солнечного сплетения, где только что была черная, сосущая дыра, начинает разгораться злость. Горячая, злая, живая ярость.

— Аллергия у неё, значит, — прошипела я, глядя на осколки. — Воздух ей нужен? Ну, я вам устрою «свежий воздух», Витя. Ты у меня не дачу получишь, а дырку от бублика. И не развод, а войну.

Я обвела взглядом притихших гостей.

— Ешьте торт. Он вкусный. Я сама пекла. А я спать пойду. Завтра у меня много дел. Нужно сменить замки.

Утром в квартире было тихо так, как бывает только после похорон. Но я никого не хоронила. Кроме, пожалуй, своей наивности.

Я открыла глаза и уставилась в потолок. На нем была трещина, которую Витя обещал замазать еще полгода назад. «Потом, Надь, устал я». Теперь понятно, от чего он устал.

Я села на кровати. Рядом — пустая подушка. На ней еще осталась вмятина от его головы, хотя он не спал здесь эту ночь. Привычка видеть его рядом была такой сильной, что рука сама потянулась поправить одеяло на его половине.

Я одернула руку, как от огня.

— Всё, Надя. Хватит, — сказала я вслух. Голос был хриплым.

Я встала и подошла к окну. За стеклом серый рассвет лениво полз по крышам пятиэтажек нашего Зареченска. Внизу, у подъезда, дворник дядя Миша скреб лопатой снег. Шрк-шрк. Шрк-шрк.

На душе было пусто. Странно, я думала, я буду рыдать. Думала, буду выть, рвать на себе волосы, звонить ему. Но слез не было. Была только тяжесть, как будто мне на плечи положили мешок с цементом, и эта холодная, расчетливая злость, родившаяся вчера под звон бокала.

Я пошла на кухню. Там, на столе, среди неубранной с вечера посуды (гости ушли быстро, скомкав прощание), лежала забытая кем-то пачка сигарет. Я не курила. Витя курил. Наверное, Костик оставил.

Я машинально начала собирать грязные тарелки. Холодец расплылся, "шуба" заветрилась. Праздник, который превратился в поминки моего брака.

На холодильнике висел магнитик: «Анапа». Мы там были вместе 10 лет назад. Счастливые, как мне казалось. Он тогда ел чебуреки и говорил: «Надюха, ты у меня лучшая». Врал? Или тогда еще не врал?

Телефон на подоконнике пискнул.

Сообщение. От банка.

«Списание: 50 000 RUB. Баланс: 2 300 RUB».

Я замерла с тарелкой в руке. Пятьдесят тысяч. Это были все наши накопления «на черный день». На похороны, на зубы, на ремонт машины. Счет был общий, карта была у него и у меня. Я схватила телефон. Дрожащими пальцами зашла в приложение.

«Перевод клиенту Ирина Валерьевна С.»

Он снял всё. Подчистую. Оставил мне две тысячи — видимо, на хлеб.

Тарелка выскользнула из рук и с грохотом разлетелась по кафелю. Еще одни осколки.

— Ах ты ж гад... — выдохнула я.

Значит, «честно»? Значит, «мы взрослые люди»?

Обокрасть жену, с которой прожил тридцать лет, чтобы купить своей подстилке новые сапоги или телефон? Это по-мужски?

Я почувствовала, как к горлу подступает ком. Обида, горькая, детская, жгучая, захлестнула с головой. Я сползла по стенке на пол, прямо на холодный кафель, среди осколков тарелки и остатков еды.

— За что, Витя? — спросила я пустоту кухни. — Я же тебе носки штопала... Я же тебе супчики диетические, когда у тебя язва... Я же себя забыла, чтобы тебе хорошо было...

Слезы, наконец, брызнули. Я заревела, закрыв лицо руками, размазывая тушь, которую забыла смыть вчера. Я выла, раскачиваясь из стороны в сторону, оплакивая не деньги, не дачу, а свою жизнь, которую кто-то взял и выкинул в мусорное ведро, как прокисший суп.

Телефон снова пискнул.

Я сквозь слезы посмотрела на экран. Сообщение от дочери.

«Мам, папа звонил. Просил передать, чтобы ты не истерила из-за денег. Сказал, ему на первое время нужнее, у него новая семья, траты. Мам, ты там держись, но папу тоже понять можно...»

Я уставилась в экран. «Папу понять можно».

Моя дочь. Которую я нянчила, которой я последнее отдавала. Она защищает его. Потому что он мужчина. Потому что он дает деньги.

Я вытерла слезы рукавом халата. Резко встала. Голова закружилась, но я устояла.

Внутри что-то щелкнуло. Словно перегорел предохранитель, отвечающий за жалость к себе.

— Понять, значит? — прошептала я. — Ну хорошо, Мариночка. Хорошо, Витенька.

Я подошла к раковине, умыла лицо ледяной водой. Из зеркала на меня смотрела женщина с опухшими глазами, вторым подбородком и сединой у корней. Тетка. Бабка. «Срок годности вышел».

— Хрен вам, — сказала я своему отражению. — Не дождетесь.

Я взяла телефон и набрала номер. Не Вити. Не дочери.

— Алло, Люба? — голос был твердым. — Ты спишь? Не спи. Мне нужен телефон того юриста, про которого ты говорила. Да, того, зубастого. И еще... У тебя парикмахерша знакомая есть, которая на дому стрижет? Мне нужно. Срочно. Нет, не просто подровнять. Мне нужно так, чтобы Витя, когда меня увидит, собственным ядом захлебнулся.

Я повесила трубку.

Посмотрела в окно. Снегопад усилился.

Жизнь в пятьдесят пять только начинается, говорят? Ну что ж, проверим. Но сначала я вытрясу из этого «героя-любовника» каждую копейку. И дачу он увидит только в том случае, если я его там закопаю.

Я взяла веник и начала сметать осколки.

Развод так развод. Я принимаю бой.

Глава 2

Какое-то время я лежала на кровати, глядя в потолок с той самой злосчастной трещиной, и глупо надеялась, что вчерашний вечер мне приснился. Ну, бывает же такое? Кошмар. Дурное наваждение после бокала наливки. Сейчас я встану, выйду на кухню, а он там сидит в своих старых трениках с вытянутыми коленками, пьет чай и читает газету. Скажет: «Надюха, доброе утро, чего там на завтрак?».

Но потом взгляд упал на пол. Там, у двери, валялся осколок от разбитого бокала, который я пропустила, когда подметала. Он блестел в луче зимнего солнца как маленькое злое лезвие. Не приснилось.

Я села на кровати. Голова была тяжелой, словно набитой ватой. Во рту пересохло. Сердце бухало где-то в горле, тяжелое и неуклюжее.

— Так, Надя. Соберись, — скомандовала я себе вслух. Голос прозвучал жалко и скрипуче.

Я встала. В ушах до сих пор стоял визгливый смех этой Иры про «тетку» и носки. Надела темные брюки, которые стройнили (как мне казалось), и свежую блузку. Причесалась, тщательно укладывая седеющие пряди. Даже губы подкрасила — чуть-чуть, для уверенности.

Зачем? Кого я хотела обмануть?

В глубине души, там, где еще жила наивная девочка Надя, теплилась надежда. Может, он сейчас придет? Побитый, виноватый. Скажет, что перебрал, что бес попутал, что эта девица его опоила? Ведь тридцать лет, господи... Разве можно тридцать лет перечеркнуть одним вечером? Мы же с ним пуд соли съели. Я его с язвой выхаживала, он меня с роддома встречал...

Звук ключа в замке раздался ровно в десять.

Этот звук я знала наизусть. Чуть с нажимом, потом два поворота влево. Раньше этот звук означал: «Папа дома, сейчас будем ужинать». Теперь он звучал как скрежет металла по стеклу.

Я вздрогнула и выпрямилась, сцепив руки в замок так, что костяшки побелели.

Дверь открылась.

Виктор вошел быстро, по-деловому. На нем были джинсы и свитер, который я подарила ему на прошлый Новый год — шерстяной, колючий, он его не любил, но надел. В руках он держал две огромные клетчатые сумки. Такие, с какими в девяностые челноки ездили в Турцию. И пустую спортивную сумку через плечо.

Он был трезв. Выбрит. И абсолютно чужой.

— Витя... — я сделала шаг навстречу. Язык не слушался. — Чай будешь? Я... я оладьи могу быстро завести. Или яичницу с помидорами, как ты любишь?

Он даже не разулся. Опять. Прошел в коридор, поставил сумки на пол. Взгляд его скользнул по мне, но не задержался. Так смотрят на мебель, которая мешает пройти.

— Не надо, — сухо бросил он. — Я не завтракать пришел. Я за вещами.

Он посмотрел на часы.

— У меня мало времени. Ира внизу в машине ждет. Мы торопимся, нам еще в мебельный заехать надо.

Ира ждет. В машине. Наверняка сидит на переднем сиденье, на моем месте, и красит свои губы, глядя в зеркальце, которое Витя протирал для меня.

Меня словно ударили под дых. Вся моя утренняя подготовка, подкрашенные губы, чистая блузка — всё это было зря. Ему было плевать.

— В мебельный? — тупо переспросила я. — Зачем?

— Кровать покупать, — буркнул он, открывая шкаф-купе в прихожей. — На том диване спать невозможно, пружины в ребра впиваются.

Он начал сгребать свои куртки. Хватал всё подряд: старый пуховик для рыбалки, демисезонную ветровку, даже мой зонт прихватил, но потом, подумав, швырнул обратно на полку.

— Витя, объясни, — я встала в дверях спальни, преграждая ему путь. Меня начало трясти. — Просто объясни мне. За что? Что я сделала не так? Я же... я же всю жизнь на тебя положила!

Он остановился. В руках у него была стопка рубашек. Он медленно повернулся ко мне, и я увидела в его глазах раздражение. Не вину. Раздражение человека, которого отвлекают от важного дела назойливой мухой.

— «Положила», — передразнил он. — Вот именно, Надя. Положила. И меня этим придавила. Ты когда в последний раз в зеркало смотрела? Не чтобы морщины считать, а чтобы женщину увидеть?

— Я работаю... — начала я, но он перебил.

— Ты не живешь, ты функционируешь! — голос его повысился. — Дом — работа — дача — внук. «Витя, надень шапку», «Витя, не ешь острое», «Витя, померь давление». Я мужик, Надя! А не инвалид, которого надо овсянкой с ложечки кормить!

— Я заботилась... — слезы подступили к глазам, горячие, обидные. — У тебя гастрит, тебе нельзя жареное...

— Да плевать мне на гастрит! — рявкнул он, швыряя рубашки в сумку. — С Ирой я забыл, где у меня желудок находится! Потому что она живая! С ней весело! Она смеется, она хочет чего-то, она в кино хочет, в ресторан, на море! А ты? «Давай сэкономим, давай на даче крышу перекроем». Скучно мне с тобой, Надя. Смертельно скучно. Ты стала теткой. Уютной, домашней, скучной теткой. А я еще не дед.

Каждое его слово падало, как камень. Тяжелый, грязный булыжник.

Значит, забота — это скука. Значит, экономия ради семьи — это «тетка». Значит, тридцать лет верности — это пустой звук, потому что с ней «весело».

Он оттолкнул меня плечом и прошел в спальню. Открыл ящик с бельем. Начал выгребать носки, трусы, майки. Я смотрела, как его руки — те самые руки, которые когда-то обнимали меня, — деловито, без капли сантиментов, пакует его жизнь в клетчатую сумку.

Вдруг он замер. Полез в нижний ящик комода, где лежали документы и аптечка.

Я увидела, как он достал тонометр. Хороший, японский, электронный. Я подарила его ему на двадцать третье февраля, копила два месяца. Он тогда еще ворчал: «Зачем тратилась?».

— А это тебе зачем? — спросила я тихо. — Ты же «молодой орел». У тебя же с Ирой ничего не болит.

Виктор на секунду смутился, но тут же набычился.

— Пригодится. Мало ли. Вещь дорогая. И вообще, я его тоже покупал, с общей кассы.

— Это мой подарок! — выкрикнула я. Меня накрыло. Не из-за тонометра. А из-за мелочности. Из-за того, что он, уходя в «новую, яркую жизнь», мародерит в старой, забирая прибор для измерения давления. — Положи на место!

— Еще чего! — он сунул коробку в сумку, поглубже, между свитерами. — Тебе в поликлинике померяют, ты там работаешь. А мне надо. И блендер я заберу. Ира смузи любит делать по утрам.

— Блендер?! — я истерически хохотнула. — Витя, ты серьезно? Ты забираешь блендер, чтобы твоя любовница делала смузи? А кофемолку не хочешь прихватить? Или туалетную бумагу?

— Не язви, — он застегнул молнию на первой сумке с противным звуком «вжик». — Я забираю то, что считаю нужным. Мы наживали это вместе. Скажи спасибо, что телевизор не снимаю со стены.

Он выпрямился, подхватил сумки. Лицо у него было красным, потным. Ему было стыдно, я видела. Но от этого он становился еще злее. Ему нужно было сделать меня виноватой, чтобы самому не чувствовать себя подлецом.

— Всё, я пошел. Остальное потом заберу, как с квартирой решим.

Он двинулся к выходу.

И тут меня прорвало.

Вся гордость, вся моя «подготовка» — всё рухнуло. Я поняла, что он сейчас уйдет. Вот прямо сейчас выйдет за дверь, сядет в машину к этой розовой куртке, и они поедут покупать кровать. Кровать, на которой они будут спать. Любить друг друга. А я останусь здесь. С трещиной на потолке.

Я бросилась к нему. Вцепилась в рукав его куртки. Пальцы свело судорогой.

— Витя, не уходи! — закричала я. Голос был чужой, визгливый, унижительный. — Витенька, пожалуйста! Не делай этого! Опомнись! Она же бросит тебя! Ей только деньги твои нужны, квартира! Ты старый для неё, пойми ты, дурак!

Он дернулся, пытаясь вырвать руку, но я держала крепко, как утопающий держит соломинку.

— Посмотри на меня! Это же я, Надя! Мы же... мы же хотели летом на Байкал... Витя!

Я рыдала. Слезы текли по щекам, размазывая тушь, капали на его новую дубленку. Я видела, как исказилось его лицо.

— Отпусти! — рявкнул он.

— Не пушу! Не пушу к ней!

Он рванулся изо всех сил. Я не удержалась, оступилась и больно ударила плечом о косяк двери. Но руку не разжала.

Тогда он толкнул меня. Не ударил, нет. Просто сильно, с омерзением оттолкнул.

Я отлетела назад и упала на пуфик в прихожей.

Виктор стоял надо мной, тяжело дыша. Он поправлял рукав, который я смяла. В его глазах было столько брезгливости, словно я была не женой, а грязной попрошайкой, ухватившей его за полу пальто.

— Посмотри на себя, — выплюнул он. — Истеричка. Сопли, слезы, тушь потекла... Господи, как же мне это надоело. Вот поэтому я и ухожу. С тобой дышать нечем, Надя. Ты душишь. Ты жалкая.

— Жалкая?.. — прошептала я.

— Да. Жалкая. Не унижайся хоть напоследок. Противно смотреть.

Слово «противно» ударило сильнее, чем если бы он дал мне пощечину.

Он подхватил сумки.

— Ключи я на тумбочке оставляю, — бросил он уже спокойнее, не глядя на меня. — От гаража себе забрал.

Он открыл дверь. В квартиру ворвался холодный воздух с подъезда, запах табака и чьей-то жареной картошки. Обычные запахи обычной жизни, которая продолжалась, пока моя рушилась.

Он вышел.

Дверь захлопнулась. Щелкнул замок.

Я сидела на пуфике, прижавшись спиной к вешалке. Там, где еще вчера висела его куртка, теперь торчал пустой крючок. Он выглядел как вопросительный знак.

В тишине было слышно, как он быстро, перепрыгивая через ступеньки, спускается вниз. Топ-топ-топ. Всё тише.

Захлопнулась дверь подъезда.

Заревел мотор. Старенькая «Тойота», которую мы называли «Ласточкой», прогревалась под окном. Потом звук удалился и стих.

Я осталась одна.

Слезы высохли мгновенно. Словно кто-то перекрыл кран. Вместо них внутри образовалась гулкая, черная пустота. Как в выпотрошенной рыбе.

Я медленно опустила глаза.

На полу, у самого порога, что-то лежало.

Я наклонилась и подняла.

Это был носок. Один. Шерстяной, серый. Витя его, видимо, обронил, когда запихивал вещи в сумку.

Я повертела его в руках. На пятке была аккуратная штопка — синими нитками, крест-накрест. Я штопала его прошлым вечером, перед тем как начать готовить холодец. Думала: «В гараж ходить пригодится, теплый же».

Он забрал новый свитер. Забрал тонометр. Забрал блендер.

А штопанный носок оставил.

— Противно ему... — сказала я вслух. Голос был ровным и мертвым.

Я сжала носок в кулаке.

Когда он лежал с язвой в больнице и блевал желчью, а я меняла ему судно — ему не было противно. Когда я занимала у соседей до полочки, чтобы купить ему зимнюю резину, а сама ходила в осенних сапогах — ему не было противно.

А теперь, когда я плачу от боли — я жалкая.

Я встала. Подошла к мусорному ведру на кухне.

Разжала пальцы. Носок упал прямо на осколки вчерашней тарелки.

Я достала из шкафчика аптечку. Руки не дрожали.

Вытащила корвалол. Накапала тридцать капель в стакан. Выпила, не морщась.

Потом подошла к зеркалу.

Тушь размазалась черными кругами, как у панды. Лицо красное, опухшее. Блузка помята.

— И правда, — сказала я своему отражению. — Красавица.
Ну ничего. Ира, значит. Смузи, значит.

Я вытерла лицо влажной салфеткой.

— Ну что ж, Виктор Сергеевич. Раз ты забрал тонометр, значит, планируешь жить вечно. Это хорошо. Тебе понадобится много здоровья, чтобы пережить то, что будет дальше.

Я пошла в спальню, стянула с кровати постельное белье, на котором мы спали. Всё: простыни, наволочки, пододеяльник. Сгребла в охапку.

Запах его тела еще оставался на ткани.

Я вынесла всё это на балкон и швырнула в угол. Стирать не буду. Выброшу.

В понедельник куплю новое. Шелковое. Для себя.

Я вернулась в пустую квартиру, села на диван и впервые за тридцать лет включила телевизор на том канале, который нравился мне, а не ему.

Шло какое-то глупое кулинарное шоу.

Я смотрела на экран, но видела только одно: как он брезгливо отряхивает рукав. Жалость умерла. Остался только холодный расчет.

Глава 3

Понедельник — день тяжелый. Эту простую истину знают все, но для меня этот понедельник грозил стать не просто тяжелым, а невыносимым. Это был мой первый выход «в люди» в новом статусе. Статусе брошенной жены.

Я стояла в прихожей, застегивая пуговицы на пальто. Пальто было добротное, темно-синее, с воротником из чернобурки, купленное три года назад. Тогда Витя сказал: «Надь, ну куда тебе такое дорогое? В поликлинику бегать?». А я купила. Словно чувствовала, что настал день, когда мне понадобится броня.

Я посмотрела в зеркало. Лицо вроде бы пришло в норму после выходных слез, но глаза... Глаза выдавали. В них поселилась какая-то затравленная настороженность. Мне казалось, что у меня на лбу теперь горит неоновая вывеска: «Муж ушел к молодой».

— Ничего, Надя. Спину ровнее, — скомандовала я себе. — Ты ничего не украла, никого не убила. Это тебе должно быть стыдно, Виктор Сергеевич, а не мне.

Я глубоко вздохнула и толкнула входную дверь.

Подъезд встретил меня привычным запахом жареного лука и сырости. Я спускалась по лестнице, прислушиваясь к звуку своих шагов. Обычно в это время я выбегала бодрая, здоровалась с соседями, обсуждала погоду. Сегодня мне хотелось стать невидимкой. Раствориться в серых бетонных стенах.

На первом этаже, у почтовых ящиков, копошилась Тамара Ивановна из двенадцатой квартиры. Главное «информбюро» нашего двора. Если Тамара Ивановна что-то узнала в восемь утра, к девяти об этом будут знать даже голуби на крыше.

Я попыталась проскользнуть мимо, уткнувшись носом в воротник.

— Надежда! — окликнула она. Голос был елейный, с приторной ноткой сочувствия, от которой сводит скулы. — А я смотрю, ты одна идешь. А где ж Виктор? Обычно он тебя подвозил, если смена совпадала.

Я замерла. Сердце ухнуло куда-то в сапоги. Она знала. Я видела это по её бегающим, жадным глазкам. Она не спрашивала, она проверяла информацию. Видимо, Людмила Сергеевна, гулявшая на моем «празднике», уже доложила обстановку.

— У Виктора свои дела, у меня свои, — сухо ответила я, не сбавляя шага.

— Ой, да ладно тебе темнить, Надь, — Тамара Ивановна отлипла от ящиков и шагнула мне наперерез. — Весь дом видел, как он в субботу с чемоданами выходил. И краля эта с ним, в розовой курточке. Тьфу, прости господи, проститня какая-то! И как только земля носит?

Она говорила это якобы с поддержкой, но я слышала в её голосе плохо скрытое торжество. В нашем маленьком Зареченске чужая беда — это лучшее развлечение. Особенно если беда случилась у той, у кого все было «правильно».

— Мы разъехались, Тамара Ивановна. Так бывает, — отчеканила я, чувствуя, как пылают щеки. — Извините, я на работу опаздываю.

Я выскочила на морозный воздух, как из душегубки. Спину жгло. Я чувствовала, как она смотрит мне вслед, как уже достает телефон, чтобы позвонить следующей подруге: «Да, точно! Сама призналась! Бросил её, как пить дать!».

До поликлиники я не шла, а бежала. Мне казалось, что каждый встречный — дворник дядя Паша, продавщица в киоске «Союзпечать», даже бродячий пес Тузик — все смотрят на меня с жалостью. «Смотрите, вот идет Надя. Тридцать лет горбатилась на семью, а теперь никому не нужна».

В поликлинике пахло хлоркой, спиртом и дешевым растворимым кофе. Этот запах всегда меня успокаивал — здесь был мой мир, моя территория, где я была уважаемой Надеждой Петровной, старшей медсестрой, у которой «легкая рука».

Но сегодня всё было иначе.

Когда я вошла в сестринскую, разговоры резко оборвались. Тишина наступила такая плотная, что её можно было резать скальпелем. Зиночка, которая еще в пятницу пила мою наливку и хвалила холодец, поспешно уткнулась в журнал учета кварцевания. Санитарка тетя Паша, мывшая пол, вдруг начала остервенело тереть шваброй один и тот же угол.

— Доброе утро, — сказала я, проходя к своему шкафчику. Голос прозвучал неестественно громко.

— Доброе, Петровна, — отозвалась тетя Паша, не поднимая головы. — Чайник еще горячий, будешь?

— Буду.

Я переодевалась, чувствуя на себе взгляды. Они скользили по моей спине, оценивали, искали следы горя. Заплакала? Похудела? Осунулась?

— Надь... — начала Зиночка осторожно. — Ты как? Мы тут с девчонками думали... Может, тебе подмениться на пару дней? Отгулы взять? Ну, нервы подлечить, в себя прийти.

— С чего бы это мне нервы лечить? — я резко захлопнула дверцу шкафчика. Металлический лязг прозвучал как выстрел. — У меня работы полно. Отчеты за месяц не сданы, вакцинацию надо планировать.

— Да мы же как лучше хотим, — вздохнула регистратор Тамара, выглядывая из-за перегородки. — Мужики — они же как дети малые. Или как кобели. Побегают твой Виктор, хвост поджимет и вернется. Куда он денется-то? У него же радикулит, кто ему спину мазать будет, эта фифа, что ли?

— Девочки! — я повернулась к ним. Лицо горело. — Давайте закроем тему. Моя личная жизнь — это моя личная жизнь. У нас прием через десять минут. Марш по кабинетам!

Они замолчали, но я видела в их глазах эту липкую, унижительную жалость. Они жалели меня, как жалеют безнадежного больного, которому врач только что озвучил диагноз, а он сам еще не понял. «Бедная баба. В пятьдесят пять остаться одной — это приговор».

Весь день прошел как в тумане. Я механически ставила уколы, заполняла карточки, улыбалась пациентам.

— Надежда Петровна, а что вы сегодня такая бледная? — спросила одна бабушка, постоянная пациентка. — Не захворали?

— Давление, Марья Ивановна. Погода меняется, — врала я.

Погода и правда менялась, но не на улице, а в моей жизни.

В пять вечера я вышла с работы. Темнело рано. Фонари заливали заснеженные улицы желтым, мертвенным светом. Я шла к остановке автобуса, глядя под ноги, чтобы не поскользнуться на наледи, которую наши коммунальщики, как всегда, проспали.

Ноги сами, по привычке, выработанной годами, повернули не к дому, а к Центральному рынку.

Я остановилась у ворот.

«Зачем? — спросила я себя. — Дома пусто. Холодильник забит едой с юбилея, которую некому есть. Тебе не надо покупать свежий творог для Вити. Не надо выбирать мясо для его любимых котлет».

Но возвращаться в пустую, тихую квартиру было страшно. Там, в этой тишине, мои мысли начинали выть громче ветра.

«Просто пройдуся, — решила я. — Куплю яблок. Фрукты полезны. И кефир».

Рынок гудел. Вечерний час пик — время, когда женщины, идущие с работы, штурмуют прилавки, чтобы добыть ужин для своих семей. Пахло соленьями, сырым мясом, мороженой рыбой и мандаринами. Этот запах всегда ассоциировался у меня с уютом, с предвкушением семейного вечера. Сегодня он вызывал тошноту.

Я шла вдоль рядов, стараясь никого не задеть. Выбрала палатку с фруктами, где обычно брала яблоки «Семеренко».

— Вам как обычно, Надежда Петровна? Килограммчик? — улыбнулась продавщица.

— Да, Люба, взвесь, пожалуйста.

И тут я услышала этот смех.

Громкий, визгливый, раскатистый. Так смеются люди, которым плевать на окружающих. Так смеются те, кто считает себя хозяевами жизни.

Я обернулась. И пакет, который я доставала из сумки, выпал у меня из рук.

Они шли по центральному проходу, прямо от мясного павильона.

Виктор и Ира.

Если бы я хотела придумать карикатуру на кризис среднего возраста, я бы нарисовала их.

Ира была одета совсем не по погоде. Короткая белая шубка из искусственного меха, едва прикрывающая поясицу, джинсы в обтяжку и — господи! — ботфорты на высоченной шпильке. На нашем рыночном полу, выложенном скользкой плиткой, она выглядела как корова на льду. Она висела на локте Виктора, цепляясь за него обеими руками, и что-то щебетала ему прямо в ухо.

А Виктор... Мой Витя, который всегда ворчал, если надо было нести пакет с картошкой. Сейчас он шел, расправив плечи, выпятив грудь колесом, словно генерал на параде. В обеих руках у него были пакеты. Из одного торчал батон дорогой сырокопченой колбасы и бутылка коньяка.

Он был без шапки. В минус пятнадцать. Чтобы не испортить прическу, видимо. Уши у него были красные, как у подростка.

— Ой, Витя, смотри! — вдруг взвизгнула Ира, тыча пальцем с длинным, кисло-розовым ногтем в витрину с деликатесами. — Бастурма! Я хочу бастурму! Ты обещал!

— Купим, котенок, купим, — пробасил Виктор, пытаясь перехватить пакеты поудобнее.

Я попыталась спрятаться. Сжаться, уменьшиться, исчезнуть за пирамидой из ящиков с хурмой. Только не сейчас. Только не здесь, на глазах у половины города.

Не успела.

Ира, вертя головой по сторонам, наткнулась взглядом на меня. Её глаза, густо подведенные черным, расширились, а на губах, накрашенных яркой помадой, расплылась хищная ухмылка.

— Витя! — гаркнула она так, что продавщица Люба выронила яблоко. — Смотри, кто тут! Твоя бывшая!

Виктор дернулся, чуть не выронив коньяк. Он посмотрел в мою сторону. Наши взгляды встретились.

На долю секунды я увидела в его глазах панику. Стыд. Ему не хотелось встречаться со мной здесь, среди мясных рядов, нагруженному пакетами и с вульгарной девицей под ручку. Он покраснел еще гуще, сливаясь цветом со своими отмороженными ушами.

— Ира, пошли, — буркнул он, пытаясь увлечь её в сторону выхода. — Не надо.

— А чего не надо-то? — Ира уперлась шпильками в плитку. — Мы что, прятаться будем? Мы честные люди!

Она специально, демонстративно громко, чтобы слышали все продавщицы, обратилась ко мне:

— Что, Надежда... Петровна? Яблочки перебираете? Скидки ловите? Ну да, ну да, пенсия-то не резиновая. А мы вот мяска решили взять, вырезку. Витюша любит вкусно покушать, а не ваши постные супчики.

Вокруг повисла тишина. Продавщицы перестали взвешивать, покупатели обернулись. Я стояла, прижимая к груди свою старую сумку, в своей практичной шапке, в своем добротном, но таком скучном пальто. И чувствовала себя маленькой, серой мышью перед ярким, крикливым попугаем.

— Витя, уйми свою женщину, — сказала я тихо. Голос дрожал. — Не позорься.

— Кто тут позорится? — взвилась Ира. — Ты, бабуля, подвинься, дай пройти молодым! А то встала тут, проход загораживаешь своей... аурой тоскливой!

— Ира! — Виктор, наконец, обрел дар речи. Видимо, слово «бабуля» резануло даже его оглохшую совесть. — Хватит! Пошли!

Он дернул её за руку. Грубо, резко. Ира ойкнула, поскользнулась на шпильках, но удержалась, повиснув на нем.

— Ну котик! — капризно протянула она. — Купи мне бастурму назло ей! Пусть видит, как мы живем!

Виктор не смотрел на меня. Он смотрел в пол.

— Дайте ей бастурму, — бросил он продавцу мясного отдела, доставая кошелек. Тот самый, кожаный, который я подарила ему на годовщину свадьбы.

Я видела, как он достает пятитысячную купюру. Из тех денег, что он украл с нашей карты.

Он покупал ей деликатесы на наши накопления. На деньги, отложенные на мои зубы, на ремонт машины.

Меня захлестнула такая волна обиды, что потемнело в глазах. Мне захотелось подойти и ударить его. Или её. Вцепиться в эти нарощенные волосы.

Но я не сделала этого. Я же интеллигентная женщина. Я же старшая медсестра. Я же «мудрая Надя».

Я просто стояла и смотрела, как продавец заворачивает кусок вяленого мяса. Как Ира победно улыбается, глядя на меня сверху вниз (благодаря каблукам). Как Виктор прячет глаза.

— Кушай, деточка, — сказала я, и вдруг почувствовала, как губы сами растягиваются в улыбку. Злую, холодную улыбку. — Кушай, не обляпайся. Только смотри, у Виктора гастрит и поджелудочная слабая. После такой диеты ты за ним горшки выносить замучаешься. Хотя... ты же не будешь. Ты его обратно мне подкинешь, как только деньги кончатся.

Ира фыркнула:

— Не дожدهшься! У нас любовь! Пошли, тигр мой!

Она потащила своего «тигра» к выходу. Виктор поплелся за ней, сутулясь под тяжестью пакетов. В спину ему смотрели десятки глаз. И в этих взглядах не было зависти, о которой так мечтала Ира. Там была насмешка.

«Тигр» с пакетами. Клоун на пенсии.
Я оставила яблоки на прилавке.

— Не надо, Люба. Аппетит пропал.

Я развернулась и пошла к другому выходу, лишь бы не идти за ними следом. Ноги дрожали. Меня трясло от отходняка. Адреналин схлынул, оставив после себя слабость и тошноту.

На улице я села в первый попавшийся автобус. Старенький «ПАЗик» дребезжал и пах бензином. Я прижалась лбом к ледяному стеклу.

Мимо проплывали огни вечернего города. Витрины магазинов, окна домов, где люди ужинали, смеялись, жили нормальной жизнью.

Я закрыла глаза. Перед мысленным взором стояла эта картина: Ира в своей белой шубке и Витя, покупающий бастурму на ворованные деньги.

Стыд? Да, мне было стыдно. За него. За себя, что выбрала такого человека. За то, что позволила так себя унижить.

Но сквозь стыд пробивалось еще кое-что.

Я вспомнила, как он сутулился. Как краснели его уши. Как он неловко семенил по скользкому полу, боясь, что его «королева» упадет и сломает ноги.

Он не выглядел счастливым. Он выглядел... уставшим. И глупым.

— Жри свою бастурму, Витя, — прошептала я в холодное стекло. — Посмотрим, как твой желудок это переварит. И твоя новая жизнь.

Автобус тряхнуло на кочке. Я открыла глаза.

Слезы высохли.

Я ехала домой. В пустую квартиру. Но теперь я знала: эта пустота лучше, чем быть «тигром» на поводке у вульгарной дуры.

Пусть смеются. Смеется тот, кто смеется последним. И я почему-то была уверена: этот последний смех будет моим.

Глава 4 (Виктор)

от лица Виктора

Я выжал педаль газа в пол, и моя старенькая «Тойота» отозвалась натужным ревом. Двигатель застучал, словно жалуясь на старость, но я не обратил внимания. Стрелка спидометра поползла к восьмидесяти.

Мимо проносились фонари, грязные сугробы, серые коробки домов, в которых люди доживали свои скучные жизни. А я летел. Я был свободен.

— Витя, ты видел её лицо?! — Ирка, сидевшая рядом, захлебывалась от восторга. Она барабанила ладошками по торпеде, оставляя следы на пыльном пластике. — «Подвинься, бабуля!» Ха-ха! Ну ты дал! Прямо как в кино!

Она потянулась ко мне и укусила за ухо. Больно, резко, пахнув сладким, химическим запахом своей электронной сигареты. Клубничный пар заполнил салон, перебивая запах бензина и старой обивки.

— А то, — самодовольно хмыкнул я, выруливая на проспект. — Будет знать. Встала, понимаешь, как памятник скорби. Думала, я при ней буду глаза прятать? Щас! Я мужик, Ира. Я право имею.

Внутри меня всё бурлило. Адреналин бил в голову, мешаясь с чувством какого-то злого торжества. Да, мне было немного не по себе там, на рынке, когда Надя посмотрела на меня своими жуткими, пустыми глазами. Но сейчас, в тепле машины, под рукой у молодой женщины, это чувство сменилось эйфорией.

Я показал ей. Показал всему этому городу, который записал меня в старики. Посмотрите! Рядом со мной — молодая, горячая, в короткой шубке! Она выбрала меня, Виктора Сергеевича, а не какого-нибудь сопляка. Значит, есть еще порох!

— Ты мой тигр! — промурлыкала Ира, положив руку мне на колено и ползя пальцами выше, к внутренней стороне бедра.

Меня бросило в жар. «Тигр». Надя меня так никогда не называла. «Витя», «отец», «дед» в последнее время. А для этой я — тигр.

Я прибавил громкость магнитолы. Какая-то современная долбежка, от которой у меня обычно ныли зубы, сейчас казалась гимном новой жизни.

— Поехали к тебе, малыш? — хрипло спросил я. — Отметим победу.

— Погнали! — взвизгнула она. — Только в «Красное и Белое» заскочим, колы возьмем. Коньяк с колой — это тема!

Я поморщился. Коньяк с колой — это варварство. Хороший коньяк надо пить так, смакуя. Надя всегда доставала лимончик, тонко резала, посыпала сахарком...

«Тьфу ты, опять Надя, — одернул я сам себя. — Хватит. Надя — это прошлое. Лимончик — это для пенсионеров. Сейчас время драйва».

Мы ввалились в квартиру Иры, смеясь и роняя пакеты.

Она снимала студию в новостройке на окраине. Модный район, как она говорила. Правда, стены здесь были из картона, лифт не работал вторую неделю, а во дворе ветер гонял мусор, но Ира считала это место «стильным».

В нос ударил спертый воздух. Пахло несвежим бельем, дешевыми духами и кошачьим лотком, хотя кота я у неё ни разу не видел.

— Ой, Вить, не разувайся, тут не убрано! — крикнула она, скидывая шубку прямо на пол, в кучу какой-то одежды. — У меня творческий беспорядок!

Я перешагнул через чьи-то сапоги, валявшиеся посреди коридора. Споткнулся о коробку из-под пиццы.

«Творческий», — повторил я про себя.

Дома у Нади... Черт, да почему я всё время сравниваю? Дома у Нади можно было ходить в белых носках и они оставались белыми. Здесь же по полу перекатывались клубы пыли, похожие на пережари-поле в вестернах.

«Зато здесь жизнью пахнет! — упрямо сказал я себе. — А у Нади — стерильность, как в морге. Тут весело!»

— Разливай! — скомандовала Ира, плюхаясь на диван.

Диван был старый, продавленный, накрытый каким-то леопардовым пледом. Я сел рядом, и пружина тут же предательски впилась мне в ягодицу. Пришлось ерзать, ища удобное место. Мы пили коньяк. Из кружек, потому что бокалов у Иры не оказалось.

— Разбились на счастье! — махнула она рукой. — Пей так, не будь занудой!

Я пил. Жгучая жидкость текла по горлу, согревая. Мы закусывали той самой бастурмой, которую я купил назло Наде. Мясо было жестким, переперченным, соленым до невозможности.

— Вкуснотища! — чавкала Ира, листая ленту в Инстаграме одной рукой и держа кусок мяса в другой. — Щас сторис запилю. Пусть подружки удавятся от зависти.

Я жевал, чувствуя, как соль разъедает язык.

«Острое тебе нельзя, Витя. У тебя слизистая воспалена», — прозвучал в голове нудный голос бывшей жены.

«Молчи, женщина!» — мысленно рявкнул я. — «Я здоров как бык!»

Я проглотил кусок, запил коньяком. В желудке словно развели маленький костер. Но я улыбался. Я сидел в квартире молодой любовницы, пил дорогой алкоголь, ел деликатесы. Разве не об этом мечтает каждый мужик в пятьдесят семь?

— Иди ко мне, тигр, — Ира отбросила телефон. Глаза у неё заблестели тем самым пьяным, шальным блеском, от которого у меня срывало крышу.

Она потянула меня на себя.

Секс был... бурным. Не таким, как с Надей — размеренным, привычным, по расписанию в субботу вечером.

Здесь всё было спонтанно. Вспышка, вихрь. Ира накинулась на меня, как голодная кошка. Никаких прелюдий, никаких «Витя, закрой форточку, дуэт». Только хардкор, как говорит молодежь.

Я старался. Честное слово, я пыхтел как паровоз на подъеме. Я крутил её и так, и этак, пытаюсь доказать — себе, ей, тому парню в зеркале — что я еще ого-го. Что я самец. Что цифры в паспорте — это просто чернила.

Пот заливал глаза. Сердце колотилось где-то в горле, отдавая глухими ударами в виски. Суставы скрипели, правое колено, которое я застудил на рыбалке еще три года назад, предательски ныло при каждом резком движении. Но я не останавливался. Я должен был соответствовать.

— Да! Да, тигр! — стонала Ира, царапая мне спину своими когтями.

«Тигр», — думал я, глотая воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег. — «Я тигр. Я машина».

Когда всё закончилось, я рухнул рядом с ней, чувствуя, как перед глазами плывут темные круги. В груди хрипело. Казалось, я только что разгрузил вагон угля, а не занимался любовью с женщиной мечты.

Ира тут же отвернулась к стене, натянула на себя одеяло и через минуту уже ровно, глубоко дышала. Молодость. У неё батарейка восстанавливается за секунду. А я лежал, глядя в темный потолок, и ждал, когда сердце вернется на место из горла.

«Ничего, — успокаивал я себя, вытирая липкий пот со лба. — Зато какой драйв! Надька бы уже спала в бигудях, а тут... Жизнь бьет ключом!»

Эйфория начала отступать часа через два, уступая место суровой бытовой реальности. Я проснулся от холода.

Квартира у Иры была угловая, в новостройке эконом-класса. Стены здесь, кажется, вообще не держали тепло. От окна дуло так, словно рамы не было вовсе.

Я пошарил рукой в поисках одеяла. Пусто. Ира, спящая рядом, укуталась в него, как в кокон, оставив мне жалкий уголок леопардового пледа.

Я попытался подвинуться к ней, чтобы согреться, но тут же уперся спиной в ледяную стену. Кровать... то есть этот проклятый диван... был узким. Для одного — нормально. Для двоих — пытка.

К тому же, пружина. Та самая, которую я заметил еще вечером. Сейчас она, кажется, решила проверить мои ребра на прочность. Она впивалась мне в бок с настойчивостью налогового инспектора.

Я покряхтел, пытаюсь найти удобное положение. Спину ломило. Поясницу тянуло так, что хотелось выть. Видимо, мои акробатические этюды в стиле «Камасутры» не прошли бесследно для остеохондроза.

— М-м-м... — недовольно промычала Ира во сне и пихнула меня локтем. — Не ворочайся. Мешаешь.

Я замер. «Мешаешь».

Дома Надя, если я начинал ворочаться от боли в спине, тут же просыпалась. Тихонько вставала, приносила мазь с ядом гюрзы, растирала поясницу теплыми руками...

«Заткнись, — приказал я себе. — Надя — это болото. А здесь — страсть. Ну, пихнула. Устала девочка».

Я лежал, дрожа от холода, и слушал, как за окном воет ветер, гоняя по двору пустые бутылки. И тут пришла она.

Изжога.

Сначала это было легкое жжение где-то под ложечкой. Я попытался не обращать внимания. Но через пять минут внутри меня разгорелся настоящий пожар. Бастурма. Острая, перченая, соленая бастурма, щедро политая дешевым коньяком. Мой желудок, привыкший к паровым котлеткам и овсянке, объявил войну.

Огонь поднимался по пищеводу к горлу. Во рту стало кисло и горько.

Я сел, сдерживая стон. Нужно было срочно что-то выпить. Гастал, Ренни, соду — что угодно.

— Ты куда? — буркнула Ира, не открывая глаз.

— Воды попить, — прошептал я. — Спи, малыш.

Я на ощупь пробрался на кухню, спотыкаясь о разбросанные по квартире вещи.

Снаружи горел уличный фонарь, отбрасывая зловещие тени на гору невытой посуды в раковине.

Я открыл один шкафчик. Пусто. Только пачка макарон и какие-то баночки с БАДами для похудения.

Открыл второй. Косметика, лак для ногтей, засохший пряник.

Аптечки не было. Вообще.

У Нади на кухне был специальный ящичек. Там всё лежало по линейке: от головы, от живота, от давления, пластыри. Я всегда знал: если мне плохо, спасение на расстоянии вытянутой руки.

Здесь не было ничего.

Огонь внутри становился невыносимым. Мне казалось, я сейчас начну изрыгать пламя, как дракон.

Пить хотелось неимоверно.

Я схватил со стола кружку. На дне были остатки засохшего кофе и след от помады. Плевать.

Поискал фильтр для воды. Его не было. Чайника с кипяченой водой тоже.

Я включил кран. Вода потекла ржавая, с шумом. Я набрал полкружки и залпом выпил.

Вкус был отвратительный. Хлорка пополам с железом. Меня передернуло. Но пожар внутри немного утих.

Я стоял посреди чужой, грязной кухни, в одних трусах, дрожа от холода и боли в желудке. Окно было приоткрыто (Ира курила и забыла закрыть), и по полу тянуло ледяным сквозняком.

«Вот она, свобода, — подумал я зло. — Нравится тебе, Витя? Вкусно тебе?»

Взгляд упал на пачку соды, сиротливо стоящую на подоконнике. О, спасение! Видимо, Ира использовала её, чтобы отмывать кружки (судя по их состоянию — редко).

Я насыпал порошок прямо в грязную кружку, плеснул воды из-под крана, разболтал пальцем (чистой ложки я в темноте не нашел) и выпил этот шипучий, тошнотворный раствор.

Стало легче. Немного.

Я подошел к окну. Вид на мусорные баки и парковку, забитую кредитными иномарками.

Где-то там, в другом конце города, в теплой, чистой квартире спала Надя. Наверняка нагладила постельное белье с лавандовым кондиционером. На тумбочке у неё стоит стакан чистой воды. И аптечка под рукой.

«Интересно, она плачет? — подумал я. — Наверняка ревет. Подушку обнимает. Бедная баба. Пропадет она без меня. Лампочку вкрутить не сможет, замок заест...»

Я почесал волосатую грудь, чувствуя, как возвращается привычное самодовольство. Сода погасила пожар в желудке, и мозг снова начал генерировать оправдания.

«Ну подумаешь, изжога. С непривычки. Зато баба — огонь! А быт... Быт мы наладим. Приучу Ирку к порядку. Она же молодая, глупая, лепить из неё надо».

Я поёжился от холода. Ноги замерзли. Пол был ледяной, плитка без подогрева.

Я вспомнил свои шерстяные носки. Те самые, с аккуратной штопкой на пятке. Надя вязала их из собачьей шерсти, специально для моих суставов.

«Зря я их не забрал, — с досадой подумал я. — Тут по полу дует страшно. Заболею еще».

Я допил мутную жижу из кружки и поставил её в раковину, к остальной горе посуды.

Ничего. Это временные трудности. Переходный период. За свободу надо платить, так ведь?

Зато я не старик, который по расписанию пьет кефир. Я — тигр, который ест бастурму и спит с молодой красоткой. Ну и пусть спина болит. Это приятная боль. Мужская.

Я вернулся в комнату. Ира спала, раскинувшись звездой на две трети дивана. Мне осталась узкая полоска у самой стены.

Я лег, сжавшись в комок, пытаюсь не касаться спиной ледяных обоев. Натянул на себя свой пуховик, который валялся на кресле. Пахло от него улицей и бензином, но хоть какое-то тепло.

Закрыв глаза. Сон не шел. Пружина снова нашла моё ребро.

«Надо будет завтра Наде позвонить, — мелькнула мысль, уже на грани сна. — Пока я на работе буду. Скажу, чтобы носки мои собрала, и те, теплые, и обычные. И мазь для спины забыл. Пусть в пакет сложит, я вечером заскочу, заберу. Она всё равно дома сидит, ей несложно. Не чужие же люди».

С этой успокаивающей мыслью, под храп своей молодой возлюбленной и вой ветра в щелях окон, я, наконец, провалился в тяжелый, нездоровый сон.

Я был уверен: Надя ждет. Надя простит. Надя отдаст носки.

Я еще не знал, что тот единственный носок, о котором я мечтал, уже лежит в мусорном ведре вместе с осколками моей прошлой жизни.

♥# Нравится книга? Подпишитесь на мою страницу по этой ссылке: <https://litnet.com/shrt/0uwD> Просто нажмите кнопку "Отслеживать автора" вверху профиля! Плюсик к карме и +100 к моей мотивации работать еще больше ради Вас! ♥#

Глава 5

Вторник тянулся, как пережаренная резина.

После работы я вернулась домой и по привычке щелкнула выключателем в коридоре. Лампочка моргнула и погасла. Перегорела.

Я стояла в темноте, сжимая в руках пакет с кефиром, и чувствовала, как к горлу подкатывает ком. Раньше это была не моя забота. «Витя, лампочка!» — кричала я, и через пять минут свет горел. Теперь я должна была искать табуретку, лезть под потолок, рискуя навернуться со своим артритом, и вкручивать эту проклятую лампочку сама.

Я прошла на кухню, не разуваясь. Села на табурет.

Тишина в квартире была плотной, ватной. Она давила на уши. Я попыталась читать — взяла с полки какой-то любовный роман в мягкой обложке, купленный сто лет назад в дорогу. «Герцог обнял Аманду, и её сердце затрепетало...»

ТЬФУ.

Я захлопнула книгу. Какая Аманда? Какой герцог? Тут вон, герцог Зареченского уезда сбежал с казной, оставив герцогиню с перегоревшей лампочкой.

Телефон на столе ожил внезапно, заставив меня вздрогнуть.

На экране высветилось: «Витя».

Сердце по инерции, выработанной за тридцать лет брака, радостно екнуло, но тут же упало вниз, вспомнив рынок, бастурму и чужие духи.

Я смотрела на экран, не решаясь взять трубку. Зачем он звонит? Каяться? Проситься назад? Или добить?

На пятом гудке я провела пальцем по экрану.

— Аллю, — голос прозвучал сухо, как осенний лист.

— Надь, привет! — голос Виктора был бодрым, даже наглым. Так он обычно разговаривал, когда был уверен в своей правоте. — Слушай, дело есть. Я там, когда собирался, забыл пакет с лекарствами. Ну, тот, где мазь моя, «Вольтарен», и носки теплые, серые, которые ты вязала. Собери, а? Я завтра мимо проезжать буду, заскочу, заберу. А то спину тянет сил нет, продуло где-то.

Я онемела.

Я отодвинула телефон от уха и посмотрела на него, как на ядовитую змею.

Он серьезно?

Он обокрал меня, опозорил перед всем городом, бросил, как старую ветошь, а теперь звонит и просит... носки?

— Витя, — медленно проговорила я, стараясь, чтобы голос не дрожал от бешенства. — Ты ничего не перепутал?

— В смысле? — искренне удивился он. — Надь, ну ты чего начинаешь? Мы же родные люди, не чужие. Ну, разъехались, с кем не бывает. Ты ж медсестра, ты понимать должна — спина болит. Тебе жалко, что ли?

— Жалко, — отрезала я. — В аптеке купишь. У тебя на карте пятьдесят тысяч моих денег. На десять тюбиков хватит. А носки пусть тебе твоя Ира вяжет. Или она только языком чесать умеет?

В трубке повисла пауза. Я слышала, как он сопит. Обиделся. «Обслуга» взбунтовалась.

— Злая ты, Надька, — буркнул он наконец, и тон его сменился на официально-холодный. — Ладно, черт с ними, с носками. Нам поговорить надо. Серьезно. Насчет дачи.

— Насчет дачи говорить нечего. Она моя.

— Это мы еще посмотрим, чья она. Короче, приезжай к Марине. Я сейчас к ней поеду, внука проведать. Там и поговорим, на нейтральной территории. Чтобы ты мне тут истерики не закатывала и посуду не била. Через час жду.

Гудки.

Он бросил трубку первым.

Я сидела, глядя на погасший экран.

К Марине. К дочери.

Внутри шевельнулось нехорошее предчувствие. Почему к Марине? Почему не в кафе, не на улице? Он ищет союзников? Или хочет ударить по самому больному — использовать детей как рычаг?

Я встала. Вкручивать лампочку расхотелось.

Надо ехать. Дачу я ему не отдам. Это не просто шесть соток. Это моя жизнь. Это яблоня «Белый налив», которую мы сажали, когда внук Лешка родился. Это пионы, которые я выпи-сывала из голландского каталога. Это место, где я пряталась от городской суеты и чувствовала себя хозяйкой.

А теперь он хочет привезти туда эту... в белой шубке? Чтобы она топтала мои грядки своими шпильками?

Только через мой труп.

Дверь мне открыл зять, Костя. Он был в растянутых спортивных штанах и майке-алко-голичке, с телефоном в руке.

— О, теща, здрасьте, — буркнул он, не отрывая глаз от экрана, где бегали какие-то чело-вечки. — Проходите, там этот... ваш... сидит уже.

В квартире дочери пахло жареным луком, детской присыпкой и бедностью. Той самой, липкой бедностью молодых семей, когда ипотека съедает весь бюджет, обои в коридоре откле-иваются, а на новые нет денег. Игрушки валялись по всему полу вперемешку с обувью.

Я прошла на кухню.

Картина, которую я увидела, была достойна обложки журнала «Семейное счастье».

Виктор сидел за столом, прихлебывая чай из моей любимой кружки (которую я когда-то подарила Марине). Перед ним стояла тарелка с печеньем. А на коленях у него сидел пятилетний Лешка и с восторгом крутил в руках огромного, яркого робота-трансформера.

— Пиу-пиу! Деда, смотри, он стреляет! — визжал внук.

— Конечно, стреляет, Леха! Это ж крутой робот, дед тебе фуфлю не купит! — самодовольно гудел Виктор, глядя внука по голове.

Марина стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле. Выглядела она измученной: волосы собраны в неряшливый пучок, под глазами круги, халат несвежий.

Увидев робота, я почувствовала укол. Такая игрушка стоит тысячи три, не меньше.

Он купил её на те деньги, что украл у меня.

Он играет в доброго дедушку за мой счет.

— Здравствуй, Марина, — сказала я, игнорируя Виктора.

— Привет, мам, — дочь мельком глянула на меня и отвела глаза. — Чай будешь?

— Не буду. Я ненадолго.

Виктор опустил внука на пол.

— Беги, Лешка, поиграй в комнате. Нам с бабушкой поговорить надо. Взрослые дела. Лешка убежал, прижимая к груди дорогой подарок.

Виктор откинулся на спинку стула, сцепил пальцы в замок на животе.

— Ну, присаживайся, Надя. В ногах правды нет.

Я села на краешек табурета, максимально далеко от него.

— Говори. Что тебе нужно?

— Мне нужно решить вопрос с имуществом, — начал он тоном делового партнера. — Квартиру мы, понятно, делим. Я пока у Иры поживу, но свою долю деньгами заберу позже. А вот дача... Дача нам нужна сейчас.

— «Нам»? — переспросила я.

— Мне и Ире, — не моргнув глазом, ответил он. — Понимаешь, Надь, Ирочка — натура творческая, но слабая здоровьем. У неё аллергия на городскую пыль, врачи рекомендовали больше времени проводить на свежем воздухе. Ей нужно место, где она сможет отдыхать, цветочки сажать...

— Цветочки? — я почувствовала, как внутри закипает ярость. — Витя, ты в своем уме? Твоя Ира крапиву от смородины не отличит! Какие цветочки? Она там всё загадит и забросит через неделю!

— Не твое дело! — рявкнул он, ударив ладонью по столу. — Может, я там новую жизнь строить буду! Может, мы дом перестроим!

— Перестроим? Тот дом, который мы десять лет по кирпичику складывали? Где мы каждый гвоздь знаем?

— Я складывал! — перебил он. — Я фундамент лил, я крышу крыл! А ты только грядки свои полола кверху задницей!

— А кто тебя кормил, пока ты крыл? Кто тебе спину мазал? Кто на стройматериалы копил, отказывая себе во всём?

— Хватит! — Виктор махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху. — Короче, предложение такое. Ты переписываешь участок на меня. Добровольно. Я тебе за это... ну, скажем, старую машину оставлю. «Тойоту».

— Мне не нужна машина, у меня прав нет!

— Продашь. Хотя за неё много не дадут, — он ухмыльнулся. — Или второй вариант: мы продаем дачу и делим деньги. Пополам. Но учти, я буду продавать быстро, цену сбавлю. Тебе копейки достанутся.

Я посмотрела на Марину. Дочь стояла у окна, теребя пояс халата. Она молчала.

— Марина, — позвала я. — Скажи ему. Это же ваша дача будет. Для Лешки. Там ягоды, там воздух. Вы же там каждое лето живете! Неужели ты позволишь ему отдать всё это чужой бабе?

Марина медленно повернулась. В её глазах я увидела тоскливую, загнанную усталость.

— Мам... ну папа тоже право имеет... Он же строил...

— Марина? — я не верила своим ушам. — Ты что говоришь? Он нас предал! Он меня обокрал!

— Мам, не начинай, — поморщилась дочь. — Ну какой «обокрал»? Это семейный бюджет был. Папа тоже зарабатывал. И вообще... нам сейчас деньги очень нужны. Костику зарплату урезали, ипотеку платить нечем. Если дачу продать, вы бы могли нам помочь... Своей долей.

Вот оно.

Деньги.

Им плевать на мои пионы. Им плевать на мою душу. Им нужно закрыть дыру в ипотеке. Виктор, опытный манипулятор, почуял момент.

Он полез в задний карман джинсов, достал бумажник. Тот самый, потертый, коричневый.

Достал оттуда рыжую купюру. Пять тысяч рублей.

Новенькую, хрустящую.

— Доча, — ласково сказал он. — Держи. Купи малому памперсов, фруктов там... А то вы совсем бледные. Папка вас не бросит. Это мать у вас жадная, за каждый куст удавится, а я всё понимаю.

Он протянул купюру Марине.

Я замерла. Время остановилось.

«Не бери, — мысленно кричала я. — Не бери, доченька. Это грязные деньги. Это деньги, украденные у твоей матери».

Марина посмотрела на купюру. Потом на меня. Потом снова на деньги.

Её рука дрогнула.

Она шагнула вперед и взяла деньги. Быстро сунула их в карман халата, словно они жгли пальцы.

— Спасибо, папа, — пробормотала она тихо.

А потом подняла на меня глаза. В них была смесь стыда и вызова.

— Мам, ну правда. Отдай ты ему эту дачу. Или продайте. Зачем тебе одной шесть соток? Только здоровье гробить. У тебя давление, суставы... Ну не потянешь ты её одна. А нам деньги нужны.

В кухне повисла тишина. Слышно было только, как в комнате робот кричит: «Огонь! Огонь!».

Меня расстреляли. В упор.

Собственная дочь. За пять тысяч рублей.

Я медленно поднялась с табурета. Ноги были ватными, но спина — прямой, как палка.

Я посмотрела на Виктора. Он сидел, откинувшись, с победной ухмылкой на лице. Он купил себе союзника. Дешево купил.

— Бери, доча, — сказала я. Голос мой звучал тихо, но в этой тишине он был страшнее крика. — Бери. Только помни: эти деньги он у матери украл. Это мои зубы, которые я не вылечила. Это моё пальто, которое я не купила. Купи на них памперсы внуку. Пусть он гадит в ворованное. Хорошее начало жизни.

Марина вспыхнула, как мак.

— Мама! Зачем ты так грубо?

— Грубо? — я усмехнулась. — Нет, милая. Грубо — это то, что вы сейчас сделали.

Я повернулась к Виктору.

— А ты, Витя... Слушай меня внимательно. Дачу ты получишь только через мой труп. Я её сожгу. Слышишь? Я поеду туда, оболью всё бензином и сожгу. Всё дотла. Но твоя Ира там шашлыки жарить не будет. И цветочки сажать не будет. Встретимся в суде.

— Ты не посмеешь, — прошипел Виктор, и ухмылка сползла с его лица. — Это уголовка! Поджог!

— А ты докажи, — я посмотрела ему прямо в глаза. — Проводка старая, мыши погрызли... Бывает. Ты же сам говорил: надо проводку менять. Вот и поменяешь. На пепелище.

Я развернулась и пошла к выходу.

— Мам, подожди! — крикнула Марина мне в спину. — Ну чаю хоть попей!

— Пейте сами, — бросила я, не оборачиваясь. — Не поперхнитесь только.

Костя в коридоре даже голову не поднял от телефона. Ему было всё равно. Пусть хоть поубивают друг друга, лишь бы его не трогали.

Я вышла из подъезда в темный, морозный вечер.

Ветер швырнул мне в лицо горсть колючего снега.

Я остановилась, хватая ртом воздух. Грудную клетку сдавило так, что больно было дышать.

Одна.

Совсем одна.

Муж — предатель и вор. Дочь — продажная. Зять — равнодушная амеба.

У меня не осталось никого. Ни семьи, ни тыла. Только шесть соток земли, за которые мне теперь предстояло воевать с собственной плотью и кровью.

Я достала телефон дрожащими от холода и ярости руками.

Нашла контакт «Доченька Мариша».

Нажала «Изменить».

Стерла ласковое имя. Написала сухо, официально: «Марина».

Всё. Пуговина перерезана. За пять тысяч рублей.

Я сунула телефон в карман.

Слезы подступали к горлу, горячие, горькие. Но я не дала им пролиться. Не здесь. Не сейчас.

Они ждут, что я сломаюсь. Что я приползу, отдам дачу, буду нянчить внука, пока они делят мои деньги.

— Фиг вам, — сказала я в темноту двора. — Фиг вам всем.

Завтра я пойду к юристу. К тому самому, «зубастому», про которого говорила Люба. И я буду грызться за каждый гвоздь.

А сейчас... Сейчас я пойду домой. Достану те несчастные две тысячи триста рублей, которые остались на карте. И куплю себе торт. Самый дорогой. И съем его одна.

Потому что теперь я никому ничего не должна.

Глава 6

Среда встретила меня тем же, чем проводил вторник — оглушительной тишиной.

Я вернулась с работы, повернула ключ в замке (два оборота, привычка въелась в подкорку) и шагнула в темный коридор. Лампочку я так и не вкрутила. Просто не нашла сил притащить стремянку с балкона. Поэтому я разувалась в полумраке, на ощупь находя тапочки.

— Я дома, — сказала я в пустоту.

Никто не ответил. Ни шуршания газеты, ни бубнежа телевизора, ни привычного: «Надь, что там на ужин?».

Только гудение холодильника на кухне да скрип старого паркета под ногами. Раньше этот скрип меня раздражал, я пилила Витю, чтобы он перебрал пол. А теперь этот звук казался единственным признаком жизни в квартире.

Я прошла на кухню. Машинально, как робот, открыла холодильник. Достала лоток с фаршем, чтобы пожарить котлеты. Две штуки. Одну себе, одну Вите...

Рука замерла над сковородкой.

Вити нет.

И Марины нет.

И внука нет.

Я швырнула фарш обратно в холодильник и захлопнула дверцу с такой силой, что звякнули магнитики.

— Не буду я готовить, — сказала я громко. — Не для кого. Обойдусь кефиром.

Я налила стакан кефира, села за стол и уставилась в черное окно. В стекле отражалась кухня: идеально чистая, прибранная и мертвая. Моя жизнь превратилась в музей, где экспонаты расставлены по местам, а посетителей нет.

Тишина давила на уши. Мне казалось, что вещи Виктора, которые еще оставались в квартире — книги на полках, старый свитер на спинке стула, какие-то железки в кладовке — смотрят на меня с укором. Словно они — призраки его присутствия, которые не дают мне дышать.

— Хватит, — решила я. — Надо убрать этот хлам. С глаз долой — из сердца вон.

Я допила кефир одним глотком и решительно пошла в гостиную.

Книжный шкаф. Витя любил читать всякие технические справочники, детективы в мягких обложках и старые журналы «За рулем». Он всегда говорил: «Не трогай, это нужное». Теперь это стало мукулатурой.

Я притащила большую картонную коробку из-под обуви и начала сгребать с полок его «сокровища».

«Ремонт автомобиля "Жигули" своими руками» — в мусор. У нас сто лет как иномарка.

«Справочник рыболова» — туда же. Последний раз он был на рыбалке пять лет назад, и то, кажется, это была «рыбалка» в бане с мужиками.

Я потянулась к верхней полке за толстой книгой в потрепанном переплете. «Советы домашнему мастеру».

Ирония судьбы. Книга есть, «мастер» был, а лампочку в прихожей вкрутить некому.
Я дернула книгу, она выскользнула из пальцев и шлепнулась на пол, раскрывшись веером.

И тут из неё выпархнули две бумажки.

Красные.

Они плавно, как осенние листья, опустились на ковер.
Я замерла. Наклонилась. Подняла.

Две купюры по пять тысяч рублей. Старого образца, немного потертые, сложенные вчетверо.

— Так-так-так... — прошептала я.
Заначка.

Его «крысиная» заначка.
Я села прямо на пол, сжимая деньги в руке.

Десять тысяч. Для кого-то — мелочь, один раз в ресторан сходить. А для нас...

Я вспомнила, как три года назад у меня разболелся зуб. Нужно было ставить коронку. Витя тогда сказал: «Надь, ну потерпи месяц, сейчас с деньгами туго, резину надо менять». И я терпела. Пила обезболивающие, жевала на одной стороне.

А у него в «Советах домашнему мастеру» лежали эти деньги. Может и еще гдк-то есть.
Я вспомнила, как ходила в пальто с зашитой подкладкой, потому что «на новое пока нет».

Как покупала самые дешевые сосиски по акции.

Как экономила на колготках, замазывая стрелки лаком.
А он прятал деньги. В моем доме. В нашей общей книге.

Это было обиднее, чем украденные пятьдесят тысяч с карты. Там был открытый грабеж, наглость уходящего самца. А здесь... здесь было мелкое, липкое, многолетнее крысятничество. Он жил со мной, ел мой суп, спал в моей постели и втихаря откладывал «на черный день» от собственной жены.

Первым порывом, въевшимся в кровь за годы «мудрого» брака, было: отложить. Спрятать. Вдруг Марине понадобится? Вдруг коммуналку поднимут? Вдруг у Вити правда спина заболит, а я...

— Стоп! — крикнула я сама себе.
Я вскочила с пола.

Марине? Той, которая продала меня за пять тысяч?

Вите? Который бастурму жрет с любовницей?

Коммуналке?

— Нет уж, — я посмотрела на купюры. Они приятно холодили ладонь. — Это не заначка, Витя. Это моральная компенсация. Это мои нервы. Мои слезы. Моя непрожитая жизнь. Я взглянула на часы. Семь вечера.

Салон красоты «Афродита» в соседнем доме работает до девяти. Я сто раз проходила мимо их витрины, смотрела на красивые фото моделей с укладками и думала: «Дорого. И куда мне? В поликлинику?».

Я сунула деньги в карман джинсов. Схватила куртку.

Я не просто потрачу эти деньги. Я их прокучу. Я сделаю то, что запрещала себе десять лет.

В «Афродите» пахло лаком для волос, сладким кофе и какой-то химической свежестью. Свет здесь был яркий, зеркала огромные, а администратор на ресепшене — молоденькая девица с губами-уточками — смотрела на вошедших с профессиональным высокомерием.

Когда я зашла, она даже не оторвалась от телефона. Я помялась у порога. В своем старом пуховике и шапке, надвинутой на лоб, я чувствовала себя здесь чужой. Бедной родственницей на балу. Теткой.

— Добрый вечер, — сказала я, стараясь звучать уверенно. — У вас есть свободный мастер?

Девица лениво подняла нарисованные брови.

— У нас по записи вообще-то. А вам что? Стрижка? Пенсионная? Слово «пенсионная» резануло по ушам, как пенопластом по стеклу.

Я сунула руку в карман, нащупала шершавые бумажки. Это придало сил.

— Нет, милочка. Не пенсионная. Мне нужно... всё. Маникюр. Покраска. Укладка. И брови. Сделайте из меня человека.

Девица хмыкнула, явно сомневаясь в моей платежеспособности.

— Ну, не знаю... Сейчас посмотрю. Лена! — крикнула она вглубь зала. — У тебя окно есть? Тут женщина хочет «всё».

Из-за перегородки выглянула мастер. Женщина лет сорока, полноватая, в ярком фартуке, с копной рыжих волос. У неё было простое, доброе лицо.

Она окинула меня взглядом. Внимательным, цепким, но без брезгливости.

— Есть окно, клиентка отменилась. Проходите, женщина. Как вас зовут?

— Надежда.

— А я Лена. Садитесь в кресло, Надя. Сейчас будем колдовать. Чай, кофе?

— Кофе, — выдохнула я, опускаясь в мягкое кожаное кресло. — Если можно.

Через десять минут я уже сидела с фольгой на голове (мы решили закрасить мою мышиную седину в «благородный каштан»), а Лена колдовала над моими руками.

— Ручки-то натруженные, — заметила она, аккуратно отодвигая кутикулу. — В земле любите копать? Дача?

— Была дача, — сказала я и неожиданно для самой себя добавила: — Муж отобрал. При разводе.

Лена замерла с пилочкой в руке. Администраторша на ресепшене перестала стучать по клавишам. Другая клиентка, сушившая голову под феном, повернулась ко мне.

— Да вы что? — ахнула Лена. — Вот паразит! К молодой ушел?

— К молодой. Тридцать лет прожили, а он... «ты старая, скучная, а у неё аллергия на пыль, ей дача нужна».

В салоне повисла тишина, но не та, давящая, как дома. Это была тишина понимания. В воздухе сгустилась женская солидарность — самая мощная сила в мире.

— Вот козел! — с чувством сказала женщина из-под фена. — У меня такой же был. В сорок пять бес в ребро, ушел к секретарше. Через полгода приполз: «Ой, Люся, у меня давление, у неё борщ из пакетика». А я ему: «Иди, милый, к маме».

— И правильно! — подхватила Лена, яростно запиливая мне ноготь. — Надя, вы не расстраивайтесь. В таком возрасте жизнь только начинается, честное слово! Дети выросли, внуки — по выходным, мужика обслуживать не надо. Свобода!

— Да какая свобода... — вздохнула я. — Одиночество.

— Не скажите! — возразила Лена. — Вот вы сейчас ноготочки сделаете, прическу наведете. Выйдете на улицу — королева! А он пусть со своей молодухой мучается. Молодые — они же требовательные. Им айфоны подавай, Мальдивы. А у мужиков в этом возрасте уже ресурс не тот. Сдуется ваш «орел» через месяц.

Я слушала их щебетание, чувствовала теплые руки Лены, запах кофе, который мне принесли (в красивой чашке, с шоколадкой!), и внутри меня что-то оттаивало. Ледяной ком обиды, который стоял в груди с пятницы, начал таять.

— Какой цвет лака будем делать? — спросила Лена, когда с маникюром было покончено. — Может, нюд? Или френч? Аккуратненько будет.

Я посмотрела на палитру. Десятки оттенков. Розовые, бежевые, прозрачные. Цвета «скромной жены».

А потом мой взгляд упал на темно-бордовый флакончик. Цвет спелой вишни. Цвет вина. Цвет крови.

— Нет, — сказала я. — Давайте этот. Бордовый.

— Ого! — уважительно присвистнула Лена. — Смело. Цвет-вамп. Нравится!

Когда она наносила лак, я смотрела на свои руки. Они менялись. Грубые пальцы с коротко остриженными ногтями превращались в руки женщины, которая себя любит. Руки, которые не стыдно положить на стол в ресторане. Руки, которые не только морковь полоть умеют.

Потом мы смыли краску. Лена высушила мне волосы, уложив их феном в объемную, красивую прическу. Седины не было. Из зеркала на меня смотрела не замученная тетка из поликлиники, а... интересная дама. Да, с морщинками. Да, не девочка. Но в глазах появился блеск.

— Ну, как? — спросила Лена, разворачивая кресло к зеркалу.

Я коснулась своих волос. Они были мягкими, живыми.

— Я... я себя не узнаю. Спасибо, Леночка.

— Это вам спасибо, что зашли. И нос выше, Надя! Вы красавица. Пусть кусает локти.

Я расплатилась на кассе. Отдала почти все деньги — салон оказался недешевым, плюс я оставила Лене щедрые чаевые. Осталось пару тысяч.

Но мне было не жалко. Ни капли.

Я выходила из «Афродиты», чувствуя себя так, словно сбросила килограммов десять лишнего веса, который таскала на плечах годами.

На улице уже стемнело. Мороз щипал щеки, но мне было тепло. Я шла, цокая каблучками (даже походка изменилась!), и ловила свое отражение в темных витринах.

В кармане зазвонил телефон.

Я достала его.

«Витя».

Впервые за три дня у меня не екнуло сердце. Не было ни страха, ни надежды.

Он, наверное, вспомнил про книгу. Или хочет узнать, нашла ли я носки. Или просто поныть, что спина болит.

Я посмотрела на экран. На кнопку «Ответить».

А потом нажала красную кнопку. «Отклонить».

И выключила звук.

— Перезвонишь, — сказала я телефону. — Или не перезвонишь. Мне всё равно. У меня маникюр сохнет.

Я зашла домой. Вкручивать лампочку по-прежнему не хотелось, но теперь темнота не пугала.

Я скинула сапоги. Включила свет в прихожей — яркий, безжалостный.

Посмотрела на себя в зеркало. Бордовые ногти ярко выделялись на фоне темной куртки.

— Ну что, Надежда Петровна, — сказала я своему отражению. — С почином.

Есть хотелось страшно. Кефир давно выветрился.

Готовить? Нет. Не сегодня. Сегодня у меня праздник. Праздник непослушания.

Я взяла телефон и набрала номер доставки.

— Алло? Пиццерия? Да. Мне самую большую. «Четыре сыра». И пепперони добавьте. Да, я знаю, что это вредно. Нет, колы не надо. Везите быстрее.

Через сорок минут я сидела на кухне.

На столе, прямо в коробке, лежала огромная, горячая, пахнущая сыром и специями пицца. Рядом стоял бокал с остатками той самой наливки, которую я не допила на юбилее.

Я взяла кусок пиццы. Сыр тянулся длинными нитями. Жир капал на тарелку.

Витя бы сейчас скривился: «Надя, это же холестерин! Это же гастрит!».

Марина бы сказала: «Мам, ты же худеешь!».

А я откусила огромный кусок.

Господи, как же это было вкусно. Вкусно, вредно и свободно.

Я жевала, глядя на свои бордовые ногти, и улыбалась.

Витя там, наверное, давится бастурмой на старом диване.

Марина считает свои тридцать сребреников.

А я ем пищу. На деньги, которые муж прятал от меня в книге «Советы домашнему мастеру».

— Спасибо, Витя, — прошептала я, поднимая бокал. — Спасибо за спонсорство. Ты даже не представляешь, какой подарок ты мне сделал. Ты подарил мне меня.

Я доела кусок, вытерла губы салфеткой и посмотрела на пустую коробку из-под обуви, где валялись его книги.

Завтра я вынесу их на помойку. Вместе с «Советами мастера».

А сейчас — спать. На своей большой, удобной кровати. По диагонали. Потому что я могу себе это позволить.

Глава 7 (Виктор)

от лица Виктора

Будильник на телефоне взвыл в шесть тридцать утра. Звук был мерзкий — какая-то электронная пищалка, которую Ира поставила мне вчера «по приколу». Сказала, что под классическую мелодию просыпаются только пенсионеры.

Я открыл один глаз. В комнате царил серый полумрак. Сквозь тонкие, дешевые шторы пробивался уличный фонарь, выхватывая из темноты гору одежды на стуле и пыльный угол шкафа.

Первым, что я почувствовал, была не бодрость духа, а боль. Тупая, ноющая боль в пояснице, отдающая в правую ногу.

Проклятый диван.

Эта «лежбище любви» с выпирающей пружиной за три ночи превратило мой позвоночник в вопросительный знак. Новый диван так и не купили.

Я попытался повернуться и сдержал стон. Шею заклинило так, будто я всю ночь разгружал вагоны головой.

— М-м-м... — простонал я, пытаюсь нащупать одеяло.

Рука схватила пустоту. Я лежал, скрючившись в позе эмбриона, прикрытый лишь краем простыни, а все одеяло, включая мой пуховик, который я накинул сверху с вечера, было намотано коконом на Иру. Она спала сладко, раскинувшись на «моей» половине, и тихонько посапывала. Ей было тепло. Ей было удобно.

Меня же колотило от утреннего озноба. В этой квартире, кажется, вообще не топили. Или стены были из картона.

Я сел, растирая онемевшую шею. Во рту было гадко, словно кошки нагадили. Металлический привкус желчи — верный привет от моего гастрита. Вчерашняя пицца с пепперони и дешевое пиво, которым мы «полирнули» ужин, передавали пламенный привет.

Я покосился на Иру. В полумраке она выглядела... обычно. Растрепанные волосы, след от подушки на щеке, приоткрытый рот. Куда делась вчерашняя королева в шубке? Сейчас передо мной лежала просто чужая женщина, которая заняла все одеяло.

— Ира... — позвал я хрипло. — Ир, вставай. Шесть тридцать.

Она даже не шелохнулась.

— Ира! — я тронул её за плечо. — Мне на работу. Кофе бы...

— Отвали... — пробормотала она, не открывая глаз, и дернула плечом, сбрасывая мою руку. — Я во вторую сегодня. Дай поспать. Чайник на кнопке.

И снова зарылась носом в подушку.

Я замер с протянутой рукой.

«Чайник на кнопке».

Дома... Черт, я запретил себе это слово. В той квартире, у Нади, в шесть тридцать на кухне уже горел теплый свет. Пахло овсянкой или сырниками. Рубашка висела на спинке стула, теплая, только что из-под утюга. Надя, уже причесанная, в своем аккуратном халатике, наливала мне чай и спрашивала: «Витя, тебе бутерброд с сыром или с маслом?».

А здесь — «отвали».

Я встал, чувствуя, как хрустят колени. Пол был ледяным. Тапочек у меня не было — я забыл их забрать, а Ира сказала, что «мужчины в тапках — это антисекс». Ну да, конечно. А простатит — это, видимо, вершина эротики.

Я поплелся в ванную. В зеркале отразился помятый мужик с мешками под глазами и трехдневной щетиной.

«Тигр, — с горечью подумал я. — Облезлый ты тигр, Витя».

Воды горячей пришлось ждать минут пять, пока она стечет. Я умывался ледяной, фыркая и матерясь про себя. Полотенце было одно на двоих, влажное и пахнущее Иркиными сладкими духами. Вытирать им лицо было неприятно, словно целуешься с парфюмерной фабрикой.

Вернувшись в комнату, я начал квест «найди одежду».

Мои сумки так и стояли в углу, неразобранные. Шкаф был забит Иркиными тряпками, мне выделили одну полку внизу, до которой с моей спиной еще надо было дотянуться.

Я вытащил рубашку. Голубую, офисную.

Она была похожа на половую тряпку, которой мыли палубу, а потом высушили в скомканном виде.

— Твою ж мать... — выдохнул я.

— Ира! — гаркнул я, теряя терпение. — Ира, где утюг?

— На балконе посмотри... — донеслось из-под одеяла глухое бормотание. — Или у соседки... Не гуди, Вить! Голова болит!

На балконе было минус двадцать. Утюга там не оказалось, зато была лыжа (одна) и банка с окурками.

Я вернулся в комнату злой как черт.

— Нет там утюга! Ты хозяйка или кто? Мне на смену идти, я начальник участка! Как я в таком виде пойду?

Ира резко села на постели. Волосы стояли дыбом, тушь под глазами размазалась.

— Слушай, ты! — взвизгнула она. — Я тебе не нанималась в прачки! И не в мамки! Нужен утюг — купи! Хочешь жрать — заработай на ресторан! Достал уже своим нытьем. Три дня живем, а ты только и делаешь, что кряхтишь да требуешь. «Подай, принеси, погладь». Ты мужик или бытовой инвалид?

Она швырнула в меня подушкой и снова упала на матрас, накрывшись с головой.

— Дверь закрой с той стороны. И ключи не забудь.

Я стоял посреди комнаты с мятой рубашкой в руках, оплеванный и униженный.

«Бытовой инвалид».

Вот, значит, как? Когда я ей бастурму покупал и на машине катал, я был «тигр». А как попросил рубашку погладить — инвалид?

Я надел рубашку так. Пытался разгладить руками, брызгал водой, но толку было мало. Ткань топорщилась, воротник лежал криво. Натянул сверху свитер, надеясь, что он скроет этот позор. Свитер колосся.

На кухне меня ждал второй акт марлезонского балета.

Гора посуды в раковине стала, кажется, еще выше. На столе засохли круги от вчерашнего пива и крошки от чипсов.

Я открыл холодильник.

Внутри было грустно, как на кладбище в дождь. Одинокий сморщенный кусок пиццы, банка энергетика и Иркин йогурт с киви. Хлеба нет. Масла нет. Яиц нет.

Живот светло голодной судорогой. Желудок требовал теплой, обволакивающей каши. Или хотя бы омлета.

Я достал йогурт. Срок годности истекал сегодня. Открыл, сунул в рот ложку.

Кислота обожгла язык. Киви. Терпеть не могу киви, от него у меня сразу изжога.

Я швырнул баночку в мусорное ведро. Она ударилась о край и перевернулась, заляпав пол белой жижей.

— Да пошло оно все! — рыкнул я.

Вытирать не стал. Пусть «хозяйка» вытирает.

Схватил куртку, сумку и вылетел из квартиры, хлопнув дверью так, что, надеюсь, у Иры с потолка штукатурка посыпалась прямо в кровать.

В машине было холодно. Печка в моей «Тойоте» грела плохо — надо было давно термостат поменять, да всё руки не доходили, экономил. Надя говорила: «Вить, почини, простудишься». А я отмахивался: «И так сойдет».

Теперь не сходило.

Я ехал в пробке, барабанил пальцами по рулю.

Желудок болел всерьез. Жгучая, режущая боль поднималась от солнечного сплетения к горлу. Казалось, я проглотил ежа, и теперь он пытается выбраться наружу.

Надо было выпить что-то обволакивающее.

Я открыл бардачок. Раньше там лежала дежурная аптечка: «Ренни», «Но-шпа», валидол. Надя следила за этим строго, раз в месяц проверяла сроки годности.

Я пошарил рукой.

Пусто.

Точнее, не пусто. Там валялись фантики от конфет, засохшая влажная салфетка, Иркина ярко-розовая помада (которая закатилась туда, когда мы «зажигали» в машине на прошлой неделе) и пачка презервативов.

Аптечки не было.

— Черт... — простонал я, сгибаясь от нового приступа боли.

Я вспомнил, что забрал тонометр, но забыл забрать лекарства. Какой же я идиот.

Рука сама потянулась к телефону. Рефлекс. Если плохо — звони Наде. Она скажет, что выпить. Она, может, даже на работу привезет, она же рядом работает...

Я нашел её номер. Гудок. Второй. Третий.

Сброс.

Короткие гудки.

Я не поверил своим ушам. Набрал еще раз.

Сброс.

«Абонент занят или не доступен».

— Ах ты ж стерва... — прошипел я, глядя на экран. — Трубку не берет. Специально! Знает же, что мне плохо может быть! Мстит, гадина. Сидит там, наверное, довольная, чай пьет, а мужик загибайся?

Я швырнул телефон на соседнее сиденье.

Обида захлестнула меня с головой. Я чувствовал себя брошенным ребенком, которого наказали ни за что. Я ведь просто хотел счастья! Я ведь не убил никого! Ну, полюбил другую, молодую, красивую. Разве это преступление?

Почему же теперь всё так... через одно место?

На работу я опоздал на пятнадцать минут. Для начальника смены — позор.

Я прошел через проходную, стараясь не смотреть в глаза охраннику. Мне казалось, что на мне написано крупными буквами: «БРОСИЛ ЖЕНУ, ЖИВЕТ В ГРЯЗИ, РУБАШКА МЯТАЯ».

В раздевалке (у меня был свой закуток, но переодевались мы все равно рядом с мужиками) я столкнулся с Михалычем. Мой сменщик, мужик простой, но глазастый.

— О, Сергеич! — прогудел он, застегивая рубу. — Здорово. Ты чего это сегодня... помятый такой?

Он окинул меня взглядом с головы до ног. Задержался на моей рубашке, которая торчала из-под свитера жеваным краем.

— В стиральной машине спал, что ли? — хохотнул он. — Или утюг пропил?

Я почувствовал, как горят уши.

— Да ну тебя, Михалыч, — буркнул я, открывая свой шкафчик. — Нормально всё. Бурная ночь просто. Молодая жена, сам понимаешь. Энергии требует — во! Не до глажки было.

Я попытался подмигнуть, изображая мачо. Вышло, наверное, жалко.

Михалыч прищурился.

— Ну-ну. Смотри, Витя, чтоб мотор не стукнул от такой энергии. Ты бледный, как поганка. И мешки под глазами. Вампириша она у тебя, что ли? Соки пьет?

— Завидуй молча, — огрызнулся я.

— Чему завидовать-то? — пожал плечами Михалыч. — Тому, что ты на бомжа похож стал? Моя Людка, если б я в таком виде на работу пошел, со стыда бы сгорела. Жена — она ведь лицо мужа, Сергеич. А у тебя лицо... как будто его корова жевала.

Он хлопнул дверцей шкафчика и ушел в цех.

Я остался один.

Посмотрел в зеркало на внутренней стороне дверцы.

«Корова жевала».

Точно.

Я вспомнил Надю. Как она провожала меня на работу. Чистая рубашка, пахнувшая морозной свежестью. Вкусный завтрак. Контейнер с собой (котлетка, пюре, огурчик), чтобы я в столовке не травился.

Ира мне контейнер не собрала. Она даже не проснулась.

«Зато секс был...» — вяло подумал я. Но воспоминания о сексе почему-то меркли на фоне рези в желудке и стыда за мятый воротник.

К обеду боль в животе стала моим единственным спутником. Она грызла меня изнутри, не давая сосредоточиться на графиках отгрузки. Я дважды ошибся в накладной, получил нагонный от главного инженера. День катился в тартарары.

В двенадцать я пошел в заводскую столовую.

Запахи вареной капусты и жареной рыбы, которые раньше вызывали у меня легкое отвращение (после домашней-то еды!), сейчас показались ароматами рая.

Я взял поднос.

Суп-лапша (жиденький, но горячий). Картофельное пюре. Паровая котлета. Компот. Хлеб.

Подошел к кассе.

— С вас триста сорок рублей, Виктор Сергеевич, — сказала кассирша Зина, улыбаясь золотым зубом.

Я приложил карту к терминалу.

Пик-пик.

«Недостаточно средств».

Я замер. Попробовал еще раз.

«Недостаточно средств».

Зина смотрела на меня выжидающе. Очередь сзади начала роптать.

— Мужик, давай быстрее! Жрать охота!

Я почувствовал, как холодный пот течет по спине.

Как так? Было же...

Я начал лихорадочно считать в уме.

Пять тысяч я отдал Марине (будь она неладна, иуда).

Три тысячи — бастурма, коньяк, вино, конфеты.

Две тысячи — бензин.

Тысяча — цветы Ире (пытался загладить вину за храп).

Аванс был неделю назад. Следующая получка только в среду. А те пятьдесят тысяч, что я снял с общего счета...

Черт. Ира попросила пять тысяч «на реснички». Потом мы зашли в «Летуаль», она захотела духи... Потом продукты в дом (которые мы так и не съели, они испортились)...

Деньги утекли сквозь пальцы. Как вода. С Надей этих денег хватало на месяц, и еще откладывали. С Ирой они исчезли за три дня.

— Виктор Сергеич? — переспросила Зина.

— Убери котлету, — хрипло сказал я. — И компот.

— Что? — не поняла она.

— Котлету убери! — рявкнул я. — Не хочу я котлету. Диета у меня. Суп оставь и хлеб. Зина пожала плечами, убрала тарелку с пюре и котлетой.

— Сто двадцать рублей.

Карта пискнула. Оплата прошла.

Я поплелся к свободному столику, неся на подносе тарелку с мутной жижей, в которой плавали три макаронины, и два куса черствого хлеба.

Я сел. Зачерпнул ложкой суп. Он был чуть теплый и несоленый.

Напротив меня сидел Михалыч. Он ел гуляш с гречкой, салат «Витаминный» и пил кисель с булочкой.

Он посмотрел на мой «обед», потом на меня. Ничего не сказал. Но в его взгляде я прочитал всё.

Я глотал пустой бульон, и каждый глоток был горьким от обиды.

Это Надька виновата. Точно она.

Она сглазила. Она деньги зажала. Она трубку не берет.

Если бы она не уперлась с этой дачей, у меня бы сейчас были деньги. Я бы ел гуляш. Я бы купил себе нормальную еду.

А она, наверное, сидит там и радуется.

«Ну ничего, — подумал я, разламывая хлеб дрожащими пальцами. — Ничего, Надя. Смеется тот, кто смеется последним. Ты думаешь, я приползу? Думаешь, я сломаюсь из-за супа?»

Злость придавала сил.

Мне нужны деньги. Срочно. Ира вчера намекала, что её телефон глючит, хочет новый. Если я не куплю ей подарок, она снова будет дуться, и «доступа к телу» не будет. А я не могу этого допустить. Я должен доказать, что я мужик.

Я вспомнил про гараж.

Там лежал комплект зимней резины. Почти новый, «Нокиан», я брал его в прошлом году. Надя, кстати, давала половину суммы со своей премии.

Резина дорогая. Если продать — тысяч двадцать-тридцать можно выручить. Сразу.

А еще там мои инструменты. Сварочный аппарат.

— Точно, — прошептал я. — Гараж.

Я поеду туда сегодня же. Заберу резину. Продам мужикам в сервисе. И куплю Ире телефон. Или хотя бы продукты и аптечку.

Я доел суп, вытер рот салфеткой (бумажной, жесткой, не то что дома — тканевой).

Желудок все еще ныл, но теперь к боли добавилась решимость.

Я встал из-за стола, чувствуя себя стратегом.

Глава 8

Четверг накатил на меня волной отрезвления.

Эйфория от вчерашнего «праздника непослушания» — новой стрижки, бордовых ногтей и пиццы на ночь — к вечеру начала выветриваться, как дешевое шампанское. Осталась только головная боль и липкий осадок страха.

Я вернулась с работы, по привычке оглядываясь на окна. Света не было. Естественно. Кто его зажжет? Домовой?

В квартире стоял тот особый, пыльный запах одиночества, который я раньше замечала только у старых дев. Теперь это был мой запах.

Я подошла к зеркалу в прихожей.

Новая стрижка, которую сделала волшебница Лена, отлично держала форму даже после самостоятельной укладки, цвет волос — насыщенный каштан — все еще радовал глаз, скрывая предательскую седину. Ногти цвета спелой вишни смотрелись на моих руках чужеродно, словно я украла их у какой-то другой, смелой и роковой женщины, а сама осталась прежней Надей, которая экономит на спичках и плачет в подушку из-за предательства дочери.

— Ну и что дальше, Надежда Петровна? — спросила я свое отражение. — Накрасилась, приоделась. А зрители где?

Телефон молчал. Виктор не перезванивал. Видимо, моя вчерашняя выходка — сброшенный звонок — оскорбила его тонкую душевную организацию до глубины души. Марина тоже не звонила. Отрабатывала свои тридцать сребреников молчанием.

Я побрела на кухню. Есть не хотелось. Вчерашняя пицца лежала в коробке сухим укором моей совести.

Настроение ползло вниз, к отметке «зарыться под одеяло и выть». Мне снова стало жалко себя. До слез, до дрожи.

И тут в дверь позвонили.

Звонок был настойчивый, требовательный. Короткий-длинный-короткий.

Так звонил только один человек в моей жизни.

Я распахнула дверь.

На пороге, занимая собой почти все пространство лестничной клетки, стояла Люба. Моя школьная подруга, дважды разведенная, трижды счастливая, ныне — директор небольшого продуктового рынка на окраине. Женщина-танк, женщина-праздник.

В одной руке она держала пузатую бутылку армянского коньяка, в другой — перевязанную бечевкой коробку с тортом.

— Открывай, сова, медведь пришел! — гаркнула она, сверкая золотым зубом (единственным, который она принципиально не меняла на керамику, называя «своей фишкой»). — Я звоню-звоню, абонент в астрале. Думала, ты тут уже в петле качаешься или вены пилкой для ногтей пилишь.

Она ввалилась в прихожую, принесла с собой запах мороза, дорогих тяжелых духов и какой-то неуемной жизненной энергии.

— Люба... — я растерянно отступила. — Ты какими судьбами?

Люба скинула роскошную шубу (норка, «в пол», её гордость), бросила её прямо на пуфик и уставилась на меня. Её подведенные черным карандашом глаза расширились.

— Мать честная... — выдохнула она, обходя меня по кругу. — Ты глянь на неё! Прическа! Цвет — огонь! А когти-то, когти! Вампириша!

Она схватила мою руку, рассматривая маникюр.

— Бордо? Ты?! Я думала, ты до гробовой доски будешь с этим своим «телесным» ходить, чтоб муженька не смущать. Ну, Надька, ну даешь! А говорила — умираю, жизнь кончена. Да ты ж цветешь и пахнешь!

— Это я вчера... психанула, — смущенно пробормотала я, но внутри стало тепло от её похвалы. — На его заначку.

— Ай, молодец! Ай, умница! — Люба хлопнула меня по плечу так, что я чуть не присела. — Правильно! С паршивой овцы хоть шерсти клок. А тут не клок, тут целый начес! Всё, веди на кухню. Будем проводить реанимационные мероприятия. У меня «Наполеон» свежайший, сама у своих девочек в кондитерской отжала, еще теплый.

Через десять минут мы сидели на кухне.

На столе стояли две пузатые рюмки, нарезанный лимон (Люба привезла с собой, зная, что у меня может не быть) и тот самый «Наполеон», пахнувший ванилью и детством.

— Ну, рассказывай, — скомандовала Люба, опрокинув первую рюмку и даже не поморщившись. — Хроники пикирующего бомбардировщика. Что там твой «орел»? И что там твоя Маринка учудила?

Я рассказала.

Всё, как на духу. И про бастурму на рынке, и про позорное бегство, и про Ирку на шпильках. И про встречу у дочери. Про пять тысяч рублей, за которые родная кровь продала нашу дачу.

Когда я дошла до момента с деньгами, голос мой сорвался. Я шмыгнула носом, готовая разрыдаться.

Люба слушала молча, только желваки на скулах ходили. Она не перебивала, не ахала. Она, как опытный хирург, давала гною выйти.

— Вот так, Люб... — закончила я, вытирая глаза салфеткой. — Одна я. Совсем одна. Дочь предала, муж ноги вытер. Кому я нужна такая? Старая, с дачей этой...

Люба налила по второй. Звонко стукнула бутылкой о стол.

— Так. Отставить мокроту.

Она посмотрела на меня жестким, пронзительным взглядом. В такие моменты я понимала, почему её боятся даже самые наглые поставщики на рынке.

— Во-первых, про Маринку. Больно? Да. Обидно? Безумно. Но давай честно, Надь. Кто её такой воспитал? Ты. Ты ей до тридцати лет сопلي вытирала, ипотеку платила, внука нянчила по первому свистку. Она привыкла, что мама — это ресурс. А папа сейчас — это банкомат. Банкомат сломался, выдал другую бабу, но деньги-то плюет. Вот она и присосалась. Она не злая, Надь. Она слабая. И инфантильная. Пусть похлебает сама. Оставь её. Перебесится, поймет, почем фунт лиха, сама приползет.

— А Витя? — всхлипнула я. — Тридцать лет, Люба! Как он мог? «Скучная» я ему, видите ли! «Тетка»!

— Ой, я тебя умоляю, — Люба махнула рукой, откусывая огромный кусок торта. — «Тетка». Да он сам — дядька с простатитом в анамнезе. Надя, включи мозги. Это не ты плохая. Это у него батарейка садится. Кризис жанра. Ему кажется, что смерть уже за левым плечом стоит, вот он и дергается. Ирка твоя — это не любовь. Это таблетка от страха. Он думает, если молодуху завел, то и сам помолодел. Ага, щас. Физиологию не обманешь.

Люба усмехнулась, вспоминая что-то свое.

— Знаешь, как это бывает? Сейчас у них медовый месяц. Эйфория. Он петухом ходит. А потом начнется быт. У Ирки твоей ни борща, ни порядка. Она же хищница, ей брать надо, а не давать. А Витя твой привык, что он — пуп земли. Что ему носочки гладят и кашку варят.

— Он уже звонил, — мстительно вставила я. — Носки просил. И мазь для спины.

Люба расхохоталась так, что задребезжала люстра.

— Ну вот! Что и требовалось доказать! Не прошло и недели, а «молодой орел» уже ощи-пан. Спина у него болит! А дальше желудок прихватит, давление скаканет. И кто его лечить будет? Ирка? Да она сбежит при первом же запахе корвалола. Ей спонсор нужен, а не пациент.

Она придвинулась ко мне ближе, понизив голос до заговорщического шепота.

— Надя, слушай меня внимательно. Он вернется. Как пить дать, вернется. Приползет, поджав хвост, и будет скулить у порога. Вопрос в другом: нужен ли он тебе будет тогда?

Я задумалась.

— Не знаю, Люб. Сейчас — убила бы. А потом... Родной же. Жалко дурака.

— Жалко у пчелки, — отрезала Люба. — Жалость — это путь в никуда. Если ты его сейчас примешь, или покажешь, что ждешь — он об тебя ноги вытрет и снова к Ирке побежит. Мужик — он охотник. Ему дичь нужна, которая убегает, а не коврик, который лежит.

Она взяла салфетку и достала из сумочки ручку.

— Значит так. Пишем план. Операция «Счастливая бывшая».

— Какая? — переспросила я.

— Счастливая! Ты должна стать для него загадкой. Чужой женщиной. Не той Надей, которая в халате с поварешкой ждет, а женщиной, у которой своя жизнь. Интересная, бурная, и в которой ему нет места.

Люба начала писать пункты размашистым почерком:

Пункт 1. Полный игнор инициативы.

— Сама не звонишь. Никогда. Даже если дом горит — звонишь в пожарную, а не ему. На его звонки отвечаешь через раз. И не сразу хватай трубку, как голодная собака кость! Пусть погудит. Пусть понервничает. «Ой, не слышала, была занята».

Пункт 2. Никакого нытья.

— Если уж взяла трубку или встретились — голос бодрый. Как будто ты в лотерею миллион выиграла. «Как дела?» — «Лучше всех!». «Что делаешь?» — «Ой, Витя, извини, убегая, дела, гости, театр». Ври! Ври напропалую. Пусть думает, что у тебя там очередь из кавалеров.

Пункт 3. Внешний вид.

— Дома ходишь не в этом... — она брезгливо дернула меня за рукав старой домашней кофты, — а в том велюровом костюме, который мы тебе на распродаже брали. Помнишь? Синий такой.

— Так это «на выход»... — пискнула я.

— Теперь выход у тебя каждый день! Вдруг он зайдет? За вещами, за деньгами, просто понять. Он должен зайти и увидеть не брошенку в соплях, а Королеву. Которую он, идиот, потерял. Он должен увидеть то, что теперь ему недоступно. Поняла?

Я кивнула. В словах Любы была какая-то злая, но спасительная логика.

— А теперь главное, — Люба прищурилась. — Гараж.

— Что гараж? — не поняла я.

— Зимнюю резину он забрал?

— Нет.

— А ключи у кого?

— У меня один комплект. Но у него дубликат был, он делал, когда замок заедал.

— Вот! — Люба подняла палец вверх. — Посмотри в окно. Что там?

Я посмотрела. За черным стеклом в свете фонаря кружились крупные, густые хлопья снега. Метель начиналась нешуточная.

— Зима, мать её, — констатировала Люба. — Завтра город встанет. Гололед будет страшный. Твой Витя на своей летней лысой резине далеко не уедет. Значит что?

— Что?

— Значит, завтра, или в крайнем случае в субботу, он приползет в гараж. За колесами. Денег-то у него на новые нет, раз он у дочки пятеркой откупался. Он придет туда, думая, что тихонько заберет свое, пока ты на работе или дома сидишь.

— И что мне делать? — испугалась я. — Караулить его там с ружьем?

— Зачем с ружьем? — коварно улыбнулась Люба. — С красотой! Ты должна оказаться там «случайно». И выглядеть при этом на миллион.

— В гараже? На миллион? Люба, ты пьяная?

— Трезвая как стекло! Ну, почти. Слушай сюда. Завтра пятница. Ты заканчиваешь пораньше?

— Да.

— Отлично. Идешь домой, наводишь марафет. Надеваешь шубу, сапоги на каблуке (знаю, скользко, потерпишь пять метров), душишься своими «Клима», которые бережешь. И идешь в гараж. Типа... за банкой огурцов. Или проверить что-то. И там встречаешь его.

— И что я ему скажу?

— Ничего! — Люба всплеснула руками. — Ты скажешь: «Здравствуй, Виктор. Проходи, бери что надо, я тороплюсь». Вежливо. Холодно. И с улыбкой. Ты должна пахнуть духами, а не борщом. Ты должна быть красивой. И ты должна быть занятой.

Мы еще долго сидели, доедая торт и допивая коньяк. Люба изображала Виктора: сутулилась, делала плаксивое лицо и гундосила: «Надька, дай пожрать!».

Я сначала смеялась, а потом попыталась ответить «по плану».

— Виктор, вы ошиблись адресом. Благотворительная столовая закрыта, — сказала я, гордо вскинув подбородок.

— Верю! — зааплодировала Люба. — Вот так! Глаз горит, спина прямая. Пусть видит, кого потерял. Пусть сравнивает. Ирка его — это фастфуд. Яркая упаковка, а внутри изжога. А ты — домашний ресторан высокой кухни. Только теперь вход туда ему закрыт.

Люба ушла уже за полночь.

— Не дрейфь, подруга, — сказала она на прощание, тиская меня в объятиях. — Мы еще на твоей свадьбе погуляем. Или на его похоронах. Шучу! Хотя...

Я осталась одна. Но странное дело — тишина больше не звенела. Она казалась спокойной, рабочей.

Я убрала со стола.

Подошла к окну. Снег валил стеной, укрывая грязный асфальт, серые машины и мою прошлую жизнь белым одеялом.

Завтра будет скользко.

Завтра «молодой орел» на своей «Тойоте» будет скользить, как корова на льду. И он придет в гараж.

Я достала из шкафа свой синий велюровый костюм. Погладила его (с удовольствием, для себя!). Приготовила духи.

Посмотрела на телефон. Там висел один пропущенный от Виктора — звонил полчаса назад, пока мы с Любой хохотали.

Я не перезвонила.

Я легла в кровать, растянувшись на все два метра ширины.

— Приходи, Витя, — прошептал я в темноту. — Приходи за своей резиной. Я тебя встречу. Только ты меня не узнаешь.

Сон пришел быстро. И впервые за неделю мне не снились кошмары. Мне снилось, что я иду по снегу в красивой шубе, а сзади кто-то бежит и зовет меня, но я не оборачиваюсь. Потому что королевы не оборачиваются.

Глава 9

Снег валил так, будто небесная канцелярия решила разом выполнить месячный план по осадкам, чтобы потом уйти в запой до весны. Белые мухи кружились в свете фонарей, залепляли окна и превращали двор нашего дома в одну большую сугробную ловушку.

Я стояла у окна в темной кухне, отодвинув штору буквально на сантиметр. С пятого этажа гаражный кооператив «Лада» просматривался как на ладони, особенно тот ряд, где стоял наш бокс номер сорок два.

Или теперь уже — его бокс?

Знакомый свет фар резанул по глазам. Старенькая серебристая «Тойота» вползла во двор, виляя задом, как пьяная портовая девка. Машину заносило на каждом повороте. Еще бы — лед под снегом был гладкий, как зеркало, а «ласточка» наша до сих пор щеголяла в летней «обувке».

Сердце ухнуло куда-то вниз, в район желудка, и там сжалось в тугой, горячий комок.

Приехал.

Люба была права. Как всегда, черт бы её побрал с её пронизательностью. Пятница, вечер, снегопад — идеальное время для визита блудного мужа, которому срочно понадобились колеса, а денег на новые нет.

— Так, Надя. Дыши, — скомандовала я себе шепотом. — Это не муж приехал. Это клиент. Чужой, малознакомый мужчина, который ошибся дверью.

Я отпустила штору и метнулась в коридор. Времени было в обрез. Пока он там возится с замком — а замок этот старый, с характером, на морозе всегда клинит, если не знать секрет, — у меня есть минут десять.

Я скинула домашний халат. На кровать полетели уютные тренировочные штаны.

Взамен я достала из шкафа то самое платье — шерстяное, темно-синее, которое стройнит и выгодно подчеркивает грудь. Следом — плотные черные колготки.

«Куда ты рядишься, дура старая? В гараж?» — ехидно спросил внутренний голос, подозрительно похожий на голос моей свекрови.

«В новую жизнь», — огрызнулась я, застегивая молнию.

Я подошла к зеркалу. Свежая стрижка и покраска, сделанные в среду, все еще держали форму. Я лишь слегка взбила волосы пальцами, добавив объема. Подвела глаза карандашом — совсем чуть-чуть, чтобы взгляд стал глубже. Помада. Не яркая, но заметная. Терракотовая.

И финальный штрих.

Я открыла ящик трюмо. В глубине, за аптечкой и коробкой с нитками, стоял маленький флакончик. Настоящие «Climat». Витя подарил мне их на пятидесятилетие. Я берегла их как зеницу ока, «пшикалась» только в театр или на Новый год.

Сегодня был повод поважнее Нового года.

Я нажала на дозатор. Облако дорогого, терпкого, бесконечно женственного аромата окутало меня. Запах уверенности. Запах женщины, у которой все хорошо.

Я накинула шубу — ту самую, с чернобуркой, на которую копила два года. На ноги — сапоги на устойчивом, но высоком каблуке.

Взяла с полки ключи от гаража (свой комплект). И пустую матерчатую сумку. Алиби должно быть железным.

— Ну, с богом, — сказала я своему отражению. — Надежда Петровна, ваш выход.

На улице было не просто холодно — промозгло. Ветер швырял колючий снег прямо в лицо, норовя испортить макияж, поэтому я шла, низко опустив голову и прикрываясь воротником.

Но походка моя была твердой. Каблуки впивались в утоптаный снег, оставляя четкие, уверенные следы.

У ряда гаражей никого не было, только у сорок второго бокса суежилась темная фигура.

Виктор.

Он стоял ко мне спиной, освещенный тусклым светом единственного работающего фонаря над воротами. На нем была короткая осенняя куртка. Шапки не было, капюшон свалился, и седая макушка уже побелела от снега.

Он боролся с замком.

— Да твою ж мать! — донеслось до меня сквозь вой ветра. — Открывайся, сволочь ржавая!

Он пинал железную дверь ногой, дышал на ключ, пытаясь отогреть металл. Он выглядел... жалко. Не «тигр», не «молодой орел», а нахохлившийся, замерзший воробей, которого выгнали из теплого гнезда.

Я подошла почти вплотную. Снег заглушал шаги, а ветер дул в мою сторону, так что он меня не слышал.

Я стояла и смотрела на его спину. На то, как он ежится от холода. На его красные, обветренные руки без перчаток.

Раньше, всего неделю назад, я бы уже бежала к нему с криком: «Витя, надень шапку! Витя, дай я сама, там надо на себя потянуть!». Я бы грела его руки в своих, я бы жалела его.

Сейчас я просто стояла и ждала.

Наконец, замок поддался. С противным скрежетом дужка отскочила. Виктор с облегчением выдохнул, распахнул ворота и нырнул внутрь, щелкнув выключателем.

Внутри гаража загорелась тусклая лампочка Ильича, выхватив из темноты стеллажи с банками, старые покрышки и верстак.

Я шагнула в освещенный проем ворот.

— Добрый вечер, Виктор, — сказала я громко и отчетливо. — Решил переобуться? Давно пора. МЧС предупреждало — гололед страшный.

Виктор подпрыгнул, как ужаленный. Он выронил связку ключей, которая со звоном упала на бетонный пол. Резко обернулся, выставив перед собой руки, словно защищаясь.

В его глазах на секунду мелькнул испуг. Потом — узнавание. А потом — искреннее, неподдельное удивление.

Он ожидал увидеть что угодно. Скандал. Истерику. Заплаканную жену в старом пуховике, которая кинется ему на шею или начнет царапать лицо.

Но он увидел женщину в шубе, с красивой прической, которая стояла в проеме гаража, как на сцене театра, и спокойно улыбалась.

— Надя? — хрипло спросил он. — Ты... ты чего здесь?

Он шмыгнул носом. У него, кажется, начинался насморк. Капля висела на кончике покрасневшего носа, придавая ему совсем уж негероический вид.

— За огурцами пришла, — я показала пустую сумку. — Пятница же. Закуска нужна.

Я прошла внутрь гаража. Запах бензина, старой резины и сырого подвала тут же смешался с ароматом моих «Climat». Этот контраст был настолько резким, что Виктор невольно втянул носом воздух.

— Закуска? — переспросил он, глядя на меня с подозрением. — У тебя гости, что ли?

— Можно и так сказать, — уклончиво ответила я, поправляя меховой воротник. — А ты чего без звонка? Я бы открыла.

Виктор набычился. Ему явно было не по себе. Он чувствовал, что сценарий идет не так. Он — добытчик, пришел за своим, а чувствует себя вором, которого застукали.

— Я звонил! — огрызнулся он, нагибаясь за упавшими ключами. Спина его при этом хрустнула так, что я услышала даже через шум ветра. Он скривился, схватился рукой за поясницу, но тут же выпрямился, стараясь скрыть боль. — Вчера звонил, сегодня звонил. Ты трубку не берешь!

— Занята была, — легко бросила я. — Дела, Витя. Жизнь кипит.

— Какие у тебя дела? — фыркнул он, подходя к стене, где висели на крюках четыре колеса в черных пакетах. — Сериалы смотреть? Или носки вязать? Кстати, про носки. Я просил собрать...

— Резина, Витя, — перебила я его мягко, но твердо. — Ты за резиной приехал. Бери.

Он осекся. Посмотрел на меня зло.

— Конечно, возьму. Моя резина. На мои деньги куплена.

«На наши, — мысленно поправила я. — Половина — с моей премии за квартал». Но вслух сказала другое:

— Бери. Тебе нужнее. У тебя теперь ответственность — молодая семья, безопасность превыше всего. Я-то все равно пешком хожу, мне спешить некуда.

Виктор подошел к колесам.

Комплект «Nokian» на дисках весил прилично. Каждое колесо — килограммов пятнадцать, не меньше. А висели они высоко, на уровне груди.

Он ухватился за первое колесо. Дернул.

Лицо его побагровело. На лбу вздулась вена.

— БИ-Ы-Х! — выдохнул он, снимая крышку с крюка.

Вес потянул его вниз. Он покачнулся, едва не уронив колесо себе на ногу. Спину перекосило. Я видела, как исказилось его лицо от прострела боли. Той самой, радикулитной, родной.

Моя рука дернулась сама собой. Инстинкт сиделки, инстинкт жены сработал быстрее мозга. Я шагнула вперед, открыла рот, чтобы сказать: «Витя, осторожнее! Давай помогу, подержу! Не рви спину!».

Но тут в голове прозвучал голос Любы: «Встретить как королева, а не как половая тряпка».

Королевы не таскают грязные колеса. И не лечат спины бывшим мужьям, которые променяли их на «свежий воздух».

Я остановилась. Спрятала руки в карманы шубы.

И спокойно, даже с легким интересом, стала наблюдать, как он, кряхтя и матерясь сквозь зубы, катит колесо к выходу.

— Тяжелые, — заметила я светским тоном. — Ты бы поаккуратнее, Виктор Сергеевич. Возраст все-таки. Береги себя. Тебе еще... ого-го сколько всего предстоит.

Он зыркнул на меня так, будто хотел испепелить.

— Нормально все с возрастом! — прорычал он. — Не сыпся песком, Надя. Я еще штангу жать могу.

— Конечно, можешь. Кто ж спорит.

Он вернулся за вторым колесом. Потом за третьим.

С каждым заходом его «героизм» таял. Он взмок. Пот тек по вискам, оставляя грязные дорожки на щеках (он вытер лицо рукой, испачканной в гаражной пыли). Куртка расстегнулась, обнажая мятый свитер. Он тяжело дышал, с присвистом.

Я стояла в стороне, чистая, благоухающая, красивая. Я была из другого мира. Из мира, где тепло, уютно и пахнет пищей, а не потом и предательством.

— Слушай, — он остановился, переводя дух перед последним колесом. Оперся рукой о верстак. — Ты чего вырядилась-то? В пятницу вечером? В театр, что ли, собралась?

В его голосе прорезались нотки ревности. Той самой, собственнической ревности мужика, который выбросил игрушку, но не хочет, чтобы её подобрал кто-то другой.

— В театр? — я улынулась уголками губ. — Нет. Гости будут. Праздник у меня, Витя.

— Какой еще праздник?

— День освобождения, — сказала я. — От бытового рабства.

Он скривился.

— Ой, да ладно тебе цену набивать. «Гости». Маринка, что ли, придет? Или Любка твоя, алкоголичка рыночная? Будете кости мне перемывать под водочку?

— Марина не придет, — ответила я сухо. — У Марины теперь новый спонсор, она занята. А кто придет — это, Витя, уже не твое дело. Мы с тобой чужие люди. Ты сам так сказал.

Я развернулась и подошла к стеллажу с заготовками.

Там, в стройных рядах, стояли мои банки. Огурцы, помидоры, лечо, компоты. Все то, что я крутила летом в душевной кухне, пока он пил пиво на веранде.

Я выбрала литровую банку с маленькими, пупырчатыми огурчиками. С чесноком и укропом. Самую хрустящую.

Взяла банку в руки, протерла пыль рукавичкой.

— Ты закончил? — спросила я, поворачиваясь к нему. — Мне закрывать надо. Люди ждут. Некрасиво опаздывать.

Виктор стоял у своей машины, запихивая последнее колесо в багажник. Багажник не закрывался, колеса торчали наружу. Он выглядел измотанным, грязным и злым.

Он смотрел на меня. На мою шубу, на мои накрашенные губы, на банку огурцов в моих руках.

Он понимал: огурцы — это к водке. К застолью. К веселью.

И это веселье будет без него.

— Ждут, значит... — процедил он. — Ну-ну. Иди, развлекайся. Смотри только, давление чтоб не скакнуло. А то кто скорую вызовет?

— Не переживай, — я подошла к выходу, аккуратно обойдя его, чтобы не коснуться его грязной куртки своей шубой. — Там есть кому вызвать. И искусственное дыхание сделать.

Я вышла из гаража. Ветер снова ударил в лицо, но теперь он казался мне освежающим.

— Закрывай ворота, Витя. Ключ у тебя есть.

Я пошла по дорожке к дому, не оглядываясь. Я чувствовала его взгляд спиной. Тяжелый, недоумевающий, злой взгляд.

Он получил свои колеса. Он продаст их завтра же, я уверена (Ире нужен телефон, а не безопасность). Но он потерял что-то гораздо более важное. Он потерял уверенность в том, что я буду сидеть у окна и ждать его возвращения.

Я слышала, как за моей спиной хлопнула крышка багажника. Как взревел мотор «Той-оты», буксуя в снегу.

— Цок-цок-цок, — стучали мои каблук по льду.

Я вошла в подъезд. Сердце колотилось как бешеное, но не от страха, а от адреналина.

Я прижалась спиной к холодной стене у лифта и выдохнула.

Банка с огурцами холодила руку через варежку.

— Один ноль в пользу «Снежной королевы», — прошептала я.

Виктор остался стоять у гаража.

В свете фар кружился снег. Багажник кое-как захлопнулся, но одно колесо все равно подпирало крышку изнутри.

Спина болела немилосердно. Он потер поясницу грязной рукой, оставляя на куртке масляное пятно.

В носу все еще стоял этот запах. «Climat».

Запах, который он помнил. Запах праздника. Запах той Нади, которую он любил когда-то, до того как она стала «скучной теткой».

Почему она так выглядит? Для кого?

«Гости».

Врет. Точно врёт. Набивает цену.

Но червячок сомнения уже начал грызть его изнутри. А вдруг не врёт?

Надя баба видная, хоть и в возрасте. Квартира есть. Готовит божественно.

Вдруг нашелся какой-нибудь... охотник до домашних пирогов?

Виктор сплюнул в снег.

— Да ну, бред, — сказал он вслух. — Кому она нужна? Понты это все. Огурцы она взяла... Сама сожрет под сериал.

Он сел в машину. В салоне было холодно и пахло бензином от колес, которые теперь занимали и заднее сиденье.

Ира будет недовольна. Она просила забрать её с работы, а теперь ей придется ехать на такси, потому что в машину не сесть — все забито резиной.

И денег на телефон пока нет — резину еще надо продать.

Виктор ударил кулаком по рулю.

Он чувствовал себя обманутым. Он приехал как хозяин, чтобы забрать свое имущество у брошенной, жалкой жены. А уехал как грузчик, провонявший потом, пока «брошенная жена» дефилировала перед ним в шубе и пахла Парижем.

— Сука, — беззлобно, скорее с усталым восхищением, выдохнул он. — Ну, Надька... Ну, артистка.

Он включил передачу и машина, виляя на лысой резине, поползла со двора.

Ему очень хотелось есть. И выпить. Желательно тех самых огурцов.

Но дома его ждал только йогурт с киви и скандал из-за того, что он не купил айфон.

Глава 10 (Виктор)

от лица Виктора

Ветер гонял по грязному снегу обрывки газет, а перекупщики, похожие на нахохлившихся ворон в своих дутых пуховиках, сканировали проезжающих цепкими, хищными взглядами.

Я загнал «Тойоту» в ряд, где торговали резиной с рук. Багажник открылся с натужным скрипом — одно колесо так и подпирало крышку, не давая ей захлопнуться до конца всю дорогу.

— О, «Хаккапелита» семерка! — присвистнул мужик с красным, обветренным лицом, вынимая первое колесо. — Ну, давай глянем, батя, че ты там привез.

Слово «батя» резануло слух. Какой я тебе батя? Мы ровесники, может, я даже моложе, просто ты рожу на морозе пропил, а я за собой следил. Ну, до недавнего времени.

— Почти новые, — буркнул я, стараясь держаться уверенно. — Один сезон отходили. Шипы все на месте, протектор жирный. Брал за сорок, отдам за двадцать пять. Срочно деньги нужны.

Перекупщик хмыкнул, пнул покрышку носком сапога, провел грязным пальцем по протектору.

— Двадцать пять? Ты смеешься, командир? Резина 18-го года, уже дубовая. Шипов процентов тридцать нету. Диски штамповка, ржавые. Дам десятку за всё, и то из уважения к сиди-нам.

— Какую десятку?! — я аж поперхнулся морозным воздухом. — Ты глаза разуй! Это «Нокиан», а не «Кама»! Надя... то есть, мы за неё...

Я осекся. Надя тогда полпремии своей отдала, чтобы мы эту резину купили. «Безопасность, Витя, это главное», — говорила она.

А теперь я стоял тут, на ветру, в мятой куртке, и торговал нашей безопасностью, как краденым.

— Ну, не хочешь — вези обратно, — равнодушно бросил перекупщик, отворачиваясь к следующей машине. — Сейчас не сезон покупать, сейчас сезон продавать. Спрос маленький.

Я посмотрел на часы. Десять утра. Ира проснется к одиннадцати. Она вчера весь вечер пилила меня, что у неё телефон глючит, камера мутная, и вообще «стыдно такой кирпич из сумки доставать». Если я приеду без денег — выходные будут испорчены. Снова надутые губы, снова «спина болит», снова отказ в доступе к телу.

— Стой, — окликнул я мужика. — Давай пятнадцать. И по рукам.

Тот скривился, словно съел лимон, почесал щетину.

— Двенадцать. И ни копейкой больше.

— Тринадцать, — уперся я. — На бензин хоть накинй.

— Тринадцать так тринадцать. Грузи к нам в «Газель».

Через десять минут я стоял, сжимая в кармане хрустящие купюры. Две пятитысячные и три синие «тысячи».

Тринадцать тысяч рублей.

За комплект, который стоил сорок.

Меня душила жаба. Огромная, жирная жаба. Я понимал, что меня развели, как лоха, как мальчишку. Но тяжесть наличных в кармане немного притупляла это чувство.

«Ничего, — успокаивал я себя, садясь в остывшую машину. — Зато живые деньги. Прямо сейчас. Куплю Ирке подарок, вина хорошего, продуктов... Заживем».

О том, как я буду ездить по гололеду на летней лысой резине, я старался не думать. Я же профи, тридцать лет стажа. Аккуратно буду. Потихоньку.

Ира встретила меня в коридоре, завернутая в короткий шелковый халатик (мой подарок на первую неделю знакомства). Настроение у неё было боевое — видимо, выпалась.

— Ну что, добытчик? — она игриво чмокнула меня в щеку, сразу же протягивая руку к карману куртки. — Привез? Много дали?

Я гордо достал пачку денег.

— Вот. Тринадцать косарей. Плюс у меня на карте остатки аванса есть, тысяч семь. Итого двадцатка. Гуляем, малыш!

Улыбка сползла с лица Иры быстрее, чем тает снег на капоте.

— Двадцать? — переспросила она капризно. — Вить, ты угораеть? Что можно купить на двадцать тысяч? Чехол для телефона?

— Почему чехол? — я растерялся. — Можно нормальный смартфон взять. «Сяоми» там, или «Самсунг» какой-нибудь из простых. Они сейчас мощные...

— «Сяоми»?! — взвизгнула Ира, отшатываясь от меня, как от прокаженного. — Ты мне предлагаешь с китайским говном ходить? Витя, ты нормальный вообще? У Ленки с работы — тринадцатый Про Макс! У Светки — четырнадцатый! А я что, лысая? Я как лохушка с этим своим андроидом битым хожу, даже селфи нормальное не сделать!

— Ира, но Айфон стоит сотку! — я попытался воззвать к разуму. — У меня нет таких денег сейчас. Я и так резину продал, в долги влез...

— А мне плевать! — она топнула ножкой, и халатик распахнулся, но даже это зрелище сейчас не вызвало у меня прилива энтузиазма. — Ты обещал! Ты говорил: «Уйдешь ко мне — будешь как королева жить»! Это вот так королевы живут? В сраче, без утюга и с китайским телефоном?

Она плюхнулась на пуфик и картинно закрыла лицо руками. Плечи её затряслись.

— Ты меня не любишь... Ты на мне экономишь... Как на своей старухе экономил, так и на мне...

Вот оно. Запрещенный прием.

Слово «старуха» ударило по мне сильнее, чем вчерашнее колесо по спине.

Я вспомнил Надю. Надя никогда не просила Айфоны. Надя ходила с моим старым телефоном, пока он совсем не умирал, и говорила: «Зачем тратиться, он же звонит».

Я считал это скупостью. Скукой.

А Ира... Ира хочет жить красиво. И я должен, обязан обеспечить ей эту жизнь. Иначе какой я мужик? Какой я «тигр»? Так, кот помойный.

— Не плачь, — я присел перед ней на корточки, морщась от боли в коленях. — Ира, ну не плачь. Придумаем что-нибудь.

— Что ты придумаешь? — всхлипнула она, глядя на меня мокрыми, размазанными глазами. — Опять резину продашь? У тебя больше нет резины, Витя. Ты гол как сокол.

Меня злость взяла.

— Я? Гол? Да я начальник смены! Я полжизни пахал! У меня... у меня возможности есть!

— Ну так покажи эти возможности! — она резко перестала плакать. — Докажи, что ты не балабол. Поехали в торговый центр. Сейчас.

Пока Ира красилась (этот процесс занимал час, не меньше), я вышел на балкон покурить.

Руки дрожали. Сигарета тлела в пальцах, но никотин не успокаивал.

Сто тысяч. Где взять сто тысяч?

Кредитки у меня были пустые, все деньги с них я снял и потратил в первые дни нашего «медового месяца» (рестораны, гостиница, пока Ира квартиру искала). Зарплата только через две недели, и та уже расписана на долги.

В голове мелькнула спасительная мысль.

Марина.

Дочка.

Я же ей дал пять тысяч во вторник. Помог молодой семье. Она тогда так смотрела... с благодарностью, хоть и смущалась матери. Она добрая девочка. И муж у неё, Костик, вроде при деньгах бывает, шабашит где-то.

Они должны понять. Я же отец. Я же не чужой.

Я затушил бычок о банку с окурками и набрал номер дочери.

Гудки шли долго. Я уже хотел сбросить, но тут она ответила.

— Алло.

Голос был сухой. Настороженный. Никакого «привет, папуля».

— Мариш, привет! — я постарался добавить в голос бодрости, того самого «тигриного» рыка, который с каждым днём становился всё тише. — Как дела? Как Лешка? Играет с роботом?

— Привет, пап. Играет. Сломал уже ногу роботу, правда. Китайский пластик, что ты хотел. Ты чего звонишь? Случилось что?

— Да нет, ничего страшного... — я замаялся. Просить деньги у детей было стыдно. Надя всегда говорила: «Мы должны помогать, а не тянуть». Но Нади тут не было. Была Ира, которой нужен Айфон. — Слушай, Мариш, тут такое дело. Папке перехватиться надо. Тысяч тридцать. Или сорок. До зарплаты. Или на пару месяцев, я отдам, зуб даю! Вложение тут выгодное подвернулось, упускать нельзя.

В трубке повисла тишина. Слышно было, как на заднем плане шумит вода и хнычет внук.

— Вложение? — переспросила Марина ледяным тоном. — В новый телефон для твоей соски?

Я поперхнулся воздухом.

— Марина! Ты как с отцом разговариваешь? Какая соска? Ира — моя гражданская жена!

— Гражданская жена — это когда штамп в паспорте, пап. А это — любовница. И денег у меня нет.

— Как нет? — я начал закипать. — Я же вам дал! Пять тысяч! Вы же работаете, Костя твой...

— Пять тысяч мы потратили на коммуналку и памперсы. Костя без премии в этом месяце. И вообще, пап... Ты во вторник сказал: «Я дачу хочу продать, потому что Ире деньги нужны». А теперь у меня просишь?

— Так я не продал еще! Мать твою уперлась рогом! — вырвалось у меня. — Марин, ну войди в положение. Мне очень надо. Я же для вас старался, дачу хотел продать, чтобы вам помочь...

— Вот когда продашь — тогда и поговорим, — отрезала она. — А сейчас извини. Мама сказала, ты теперь у нас самостоятельный мужчина. Раз на молодуху сил и денег хватает, значит, и на жизнь есть.

— Мама сказала?! — заорал я. — Ах вот оно что! Вы сговорились! Ты продала отца за мамины огурцы? Я тебе деньги давал, я к тебе с душой...

— Ты мне деньги давал, чтобы я молчала, пока ты нас грабишь, — тихо, но жестко сказала дочь. — Извини, Лешка плачет. Денег нет, папа. Крутись сам. Ты же «тигр».

Она бросила трубку.

Я стоял на холодном балконе, глядя на серый двор, заваленный снегом. Внутри все кипело от обиды.

Предательница.

Эх, сейчас бы ту заначку из "Советов мастера"... Десятка там лежала! Идиот, забыл про неё, когда вещи собирал, гордого из себя строил. А теперь всё, поезд ушел. Надька небось нашла и потратила уже. На маникюр свой или на хахалю.

Выросла, называется. Я её на плечах носил, я ей велосипед покупал, а она... «Мама сказала».

Ну и черт с вами. Со всеми. Я вам всем докажу. Я куплю этот чертов телефон, и Ира будет счастлива, и я буду счастлив, а вы сидите там в своем болоте и завидуйте!

Торговый центр «Плаза» встретил нас духотой, шумом и слепящим светом витрин.

Ира тянула меня за руку, как ледокол «Ленин» тянет баржу. Она сияла. Она уже предвкушала триумф.

Мы зашли в магазин электроники.

— Девушка! — Ира щелкнула пальцами, подзывая консультанта. — Нам нужен Айфон. Последний. Золотой. И чехол к нему, со стразами.

Молоденькая продавщица в фирменной жилетке метнула взгляд на меня, потом на Иру. В её глазах мелькнуло профессиональное понимание: «Папик и содержанка». Только вот папик выглядел так, будто сам не доедает.

— Конечно, пройдемте. Вот, четырнадцатый Про, двести пятьдесят шесть гигабайт. Сто двадцать тысяч рублей.

Сто двадцать.

У меня потемнело в глазах.

Это три моих зарплаты (после вычета кредитов и долгов). Это... это космос.

— Ириш... — я тронул её за локоть. — Малыш, ну сто двадцать... Это перебор. Смотри, вот рядом «Самсунг» стоит. Экран яркий, камеры три штуки. Шестьдесят тысяч. В два раза дешевле! И ничем не хуже, честное слово!

Ира повернулась ко мне. Её лицо, только что сиявшее, мгновенно пошло красными пятнами. Губы задрожали.

— «Самсунг»? — громко, на весь магазин спросила она. — Ты мне предлагаешь «Самсунг»? Ты меня совсем не уважаешь?

Люди начали оборачиваться. Какой-то парень с прыщами, выбирающий наушники, хихикнул.

— Тише, Ира, тише, — зашипел я. — Люди смотрят.

— Пусть смотрят! — её голос сорвался на визг. — Пусть видят, с каким жмотом я живу! Я тебе молодость отдаю, я тебе стираю, убираю (вранье!), а ты? Жалко для любимой женщины? Ты на мне экономишь, как на прислуге!

Опять. Опять этот аргумент.

Я чувствовал, как на меня смотрят. Продавщица — с вежливым презрением. Парень с наушниками — с насмешкой. Охранник у входа — со скукой.

Мне казалось, они все думают: «Старый дурак. Завел молодуху, а содержать не может. Позорище».

Стыд жег лицо. Мне хотелось провалиться сквозь этот кафельный пол.

Я не мог уйти. Если я сейчас уйду без телефона, Ира устроит мне такой ад, что ночевка на вокзале покажется раем. И она уйдет. Точно уйдет. К тому, кто купит.

— Оформляйте, — хрипло сказал я, доставая паспорт.

— В кредит? — оживилась продавщица. — У нас сейчас выгодное предложение, всего двадцать процентов годовых, страховка жизни, смс-информирование...

— В кредит, — махнул я рукой. — Пишите всё. Страховку, чехол, пленку наклеить... Гулять так гулять.

Ира тут же замолчала. Слезы высохли мгновенно, как по волшебству. Она повисла у меня на шее, обдав запахом сладких духов.

— Витенька! Ты лучший! Ты мой король! Я знала, что ты не жмот!

Я сидел на стульчике у кредитного специалиста, подписывал какие-то бумажки, не читая мелкий шрифт. Я продавал свое будущее спокойствие за кусок пластика и стекла.

Ежемесячный платеж — семь тысяч. На два года.

Плюс помощь дочери (она хоть и взрослая, но тянет ведь деньги). Плюс квартира, еда, бензин.

Мой бюджет не просто трещал по швам. Он лопнул с оглушительным треском.

Мы вышли из магазина через сорок минут.

Ира шла, уткнувшись в новую коробку. Она уже снимала пленку, что-то фотографировала, отправляла голосовые подружкам: «Да, прикинь, Витя подарил! Золотой! Ага, люблю его!».

Я шел рядом, чувствуя опустошение. В кармане лежали жалкие остатки денег от проданной резины — я внес их как первоначальный взнос, чтобы кредит вообще одобрили.

На карте оставалось рублей триста. И мелочь в кармане.

Мы проходили мимо фудкорта. Запахи жареного мяса, пиццы и азиатских специй ударили в нос. Мой гастритный желудок, который с утра видел только пустой чай, сжался в голодном спазме.

— Ой, Вить! — Ира остановилась у вывески «Планета Суши». — Пойдем посидим? Обмоем попку! Я так роллов хочу, «Филадельфию», с угрем... Ммм!

Она смотрела на меня сияющими глазами. Она была счастлива. И она была уверена, что праздник продолжается.

Я сунул руку в карман. Нашупал там горсть монет.

Сет роллов стоит тысячи полторы. Минимум.

У меня не было этих денег. Физически не было. Даже если я выверну все карманы.

— Малыш... — я попытался улыбнуться, но вышла гримаса боли (желудок резануло). — Давай дома? Устали же, народу тут тьма, шумно. Купим вина в «Красном и Белом», сыра... Романтику устроим.

Улыбка сползла с лица Иры.

— Дома? — протянула она разочарованно. — Опять дома? На этом диване вонючем? Ну Вить... Ты же только что был крутым, купил телефон. А теперь что, на суши денег нет?

В её взгляде снова появилось это мерзкое, оценивающее выражение. Как будто она взвешивала меня и понимала: легковат.

— Есть деньги, — соврал я. — Просто... голова болит. Давление, наверное. Шумно тут очень. Пойдем, а? Я тебе массаж сделаю.

Она закатила глаза.

— Ой, всё. Вечно ты кайф ломаешь. То спина, то голова, то давление. Ладно, пошли. Но такси ты оплачиваешь. Я с новым телефоном в маршрутке не поеду, меня там ограбят.

— Конечно, — кивнул я. — Такси — без проблем.

Я вызвал такси. «Эконом». Списались последние триста рублей с карты.

Мы ехали молча. Ира ковырялась в новом телефоне, настраивая фильтры для селфи. Я смотрел в окно на серый, грязный снег.

Я ехал на легкой резине, с долгом в сто двадцать тысяч, с пустым желудком и пустой картой. Рядом сидела женщина, которая любила меня ровно до тех пор, пока касса звенела.

«Ничего, — думал я, пытаюсь заглушить голос разума. — Зато она молодая. Зато красивая. Зато у меня теперь есть стимул зарабатывать. Я тигр. Я справлюсь».

В животе предательски заурчало.

— Вить, ну ты даешь, — брезгливо сморщилась Ира, не отрываясь от экрана. — Желудок лечи. Звуки как из канализации.

Я промолчал.

Глава 11 (Виктор)

от лица Виктора

Я проснулся от едкого дыма, который заполнил всю квартиру. Вскочил с дивана, думая — пожар.

Оказалось, нет. Это Ира решила приготовить завтрак. Она сунула кусок хлеба в старый тостер, который мы нашли на антресолях, поставила таймер на максимум и ушла красить ресницы.

— Ира! У нас тут всё горит! — заорал я, выдергивая вилку из розетки и вытряхивая дымящийся уголек в раковину.

— Ой, подумаешь, — донеслось из ванной. — Купи новый, этот барахло.

Я открыл окно. В квартиру ворвался ледяной воздух, смешанный с запахом гари.

Настроение, и без того паршивое после вчерашней кредитной эпопеи, упало ниже плинтуса.

Я посмотрел на Иру. Она вышла из ванной, благоухая духами и косметикой. На ней было новое шелковое платье (купленное вчера же, после телефона), обтягивающее все выпуклости. Она крутилась перед зеркалом, делая селфи.

— Как тебе? — спросила она, надув губки. — Мы же сегодня в кино идем, помнишь? И в кафе. Я столик заказала.

— Помню, — буркнул я, наливая себе растворимый кофе.

Желудок с утра снова бунтовал. Есть не хотелось, но надо было закинуть в топку хоть что-то, иначе до обеда я бы не дотянул.

Раньше, в воскресенье... В воскресенье Надя вставала в восемь. К девяти на столе уже стояла стопка румяных блинов со сметаной. Или сырники. Она говорила: «В выходной надо себя баловать».

А здесь — горелый тост и перспектива потратить последние деньги на суши и попкорн.

Я посмотрел на Иру, которая самозабвенно фотографировала свой маникюр на фоне нового телефона. Любви в этом взгляде было все меньше. Оставалось только упрямое желание доказать себе, что я не ошибся.

В этот момент мой старенький телефон, сиротливо лежавший на подоконнике, зазвонил.

На экране высветилось: «Мама».

Сердце екнуло. Мать звонила редко, только по делу. Обычно делами занималась Надя.

— Алло, мам, привет, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал бодро.

— Привет, привет, — проскрипел в трубке властный, не терпящий возражений голос Зои Ивановны. — Где шляешься, сокол мой ясный? Я тебя с пятницы жду. У меня давление под двести, таблетки от сердца кончились. Совсем мать забыл, ирод?

— Мам, да я работаю, замотался...

— Работяга! — фыркнула она. — Знаю я твою работу, в розовой шубке. Короче, Витька. Бросай свои пашни, бери ноги в руки и дуй в аптеку. Я тебе список по СМС скину. Чтобы через час у меня был. И хлебахвати, белого.

Она бросила трубку.

Я вздохнул. Поездка к матери — это всегда испытание. Это допросы, нотации и воспоминания о том, каким хорошим мальчиком я был в пять лет.

Ира оторвалась от телефона.

— Кто это? — спросила она с подозрением.

— Мама. Болеет. Лекарства просит привезти.

— Какая еще мама? — надула она губы. — Сегодня? В воскресенье? Мы же в кино собирались, Вить! Я платье новое надела, смотри!

— Ира, это мама. Она старый человек, у неё давление.

— И что? — она встала, уперев руки в бока. Платье натянулось, подчеркивая каждый изгиб. — Ты что, променяешь меня, свою любимую женщину, на старую каргу? Я не собираюсь тратить свой единственный выходной на твою престарелую родню!

— Ира, я же не прошу тебя ехать! — начал закипать я. — Я сам съезжу. Быстро. Туда и обратно.

— Нет! — топнула она ножкой. — Никуда ты не поедешь! Или я, или твоя мамаша! Я с тобой к ней все равно не пойду, там нафталином за километр несет и коврами этими дурацкими! Фу!

— Да никто тебя и не зовет! — сорвался я. — Сиди здесь! Я съезжу и вернусь! Это мой долг!

— Долг у тебя теперь один — передо мной! — взвизгнула она. — Я ради тебя...

Я не стал дослушивать, что она там «ради меня». Схватил куртку, ключи и выскочил из квартиры. В спину мне летело что-то про «козла неблагодарного» и «все мужики одинаковые».

Хлопнув дверью, я на секунду прислонился к ней лбом.

Господи, за что? Я хотел праздника. А получил вечный скандал.

Пока я ехал в аптеку, а потом к матери на другой конец города, злость потихоньку улеглась, сменившись глухой тоской.

Я злился на всех. На мать, которая вечно лезет не в свое дело. На Иру, которая оказалась эгоисткой. На дочь, которая предала.

Но больше всего я злился на Надю.

Да, именно на нее.

Это она меня разбаловала. Это она приучила меня к тому, что все проблемы с моей родней решаются без моего участия. Она сама звонила матери, сама ездила к ней с продуктами, сама сидела с ней, когда та болела. Я был освобожден от этой повинности. Я был «добытчиком», который устает на работе.

А теперь я должен был делать всё сам. И это бесило.

В аптеке я столкнулся с новой реальностью. Лекарства из маминого списка стоили, как крыло от самолета. Я повертел в руках коробочки. «Конкор», «Кардиомагнил», «Престариум»... На все про все выходило тысячи три. У меня наличкой было от силы полторы - нашел мятые купюры в бардачке, а так бы вообще на нуле был.

— Девушка, а есть что-нибудь подешевле? — спросил я, краснея, у молоденькой фармацевтки. — Аналоги, российские.

Она посмотрела на меня с сочувствием.

— Есть, конечно. Но врач что прописал? Пожилому человеку лучше не экспериментировать.

— Ничего, поэкспериментируем, — буркнул я. — Давайте аналоги.

Сэкономив, но чувствуя себя последним негодяем, я поехал дальше.

Дверь мне открыла сама Зоя Ивановна.

Седая, сухая, как вобла, старушка, одетая в старый, но идеально чистый фланелевый халат. От нее пахло валокордином и чем-то неуловимо родным.

— Явился, блудный сын, — проскрипела она вместо приветствия. — Не заблудился? А я уж думала, твоя эта... фифа размалеванная, тебя на цепь посадила, к батарее приковала.

Она пропустила меня в квартиру.

Я переступил порог и замер.

В нос ударил густой, дурманящий запах. Запах, который я не чувствовал уже целую вечность.

Пахло свежеиспеченными пирогами с капустой.

Пахло чистотой. Той самой, Надиной, когда в воздухе витает аромат свежевystиранного белья и лимонной полироли для мебели.

Я невольно сравнил это с запахом в квартире Иры — смесью пыли, вейпа и вчерашнего перегара. Сравнение было не в пользу «новой жизни».

— Проходи, разувайся, — скомандовала мать. — И где твоя... пассия? Побоялась све-крови на глаза показаться? Правильно сделала. Я бы её веником согнала, козу драную.

Я молча прошел на кухню, поставив на стол пакет с лекарствами и хлеб.

Кухня у матери была маленькая, советская. Старый гарнитур, клеенка на столе. Но всё блестело. Кастрюльки начищены до зеркального блеска, полотенчики висят ровными рядами, на подоконнике — герань.

Царство порядка. Царство Нади. Я знал, что это её рук дело.

Мать взяла пакет, заглянула внут'рь.

— Это что? — она достала коробочку с дешевым аналогом. — «Бисопролол»? Я тебе что просила? «Конкор»! Витя, ты на матери экономишь? На гроб мне копишь?

— Мам, это то же самое, действующее вещество одно! — начал оправдываться я. — Просто производитель наш, дешевле...

— Знаю я вашего производителя! — отрезала она. — От него у меня изжога! Ну ладно, проехали. С паршивой овцы... Садись. Есть будешь.

Она достала из духовки противень.

На нем, румяные, пышные, лежали пироги. Один к одному. С пылу, с жару. От них шел пар, от которого у меня свело голодный желудок.

— Ты... ты сама пекла, мам? — недоверчиво спросил я. — С твоим-то артритом? Мать хмыкнула, ставя передо мной большую тарелку с тремя пирогами и чашку с чаем.

— Я? Шас! Разбежалась горбатиться на такого сына. Надька заходила. Утром. Я поперхнулся чаем.

— Надя? — переспросил я. — Зачем?

— Как «зачем»? — мать села напротив, подперев щеку кулаком и глядя на меня своими выцветшими, но острыми, как иголки, глазами. — Проведать. Продуктов привезла полную сумку. Прибралась у меня, пыль вытерла. Говорит: «Вам, Зоя Ивановна, нельзя тяжелое поднимать». А потом тесто завела, пирогов напекла. Говорит: «Витя к вам, наверное, заедет. Покормите его. Он вечно голодный, а там, поди, кормить-то некому».

Я сидел с пирогом в руке и чувствовал, как краска заливает мне шею.

Я давился этим пирогом. Он был божественно вкусным — мягкое тесто, сочная капустная начинка. Таким, как я любил. Таким, как пекла Надя.

Она знала, что я приеду. Она позаботилась обо мне. Даже после всего, что я сделал. Она оставила мне еду, как бездомной собаке оставляют миску у порога.

— Золото, а не баба, — продолжала мать, рубя словами, как топором. — Я тебе всю жизнь говорила. А ты что, дурак старый? Променил жену, хозяйку, на подстилку крашеную!

— Мама, перестань! Ира — не подстилка! — попытался я возразить, но голос звучал слабо.

— А кто она? — прищурилась мать. — Та, что мужика из семьи увела? Та, что на все готовое пришла? Я с отцом твоим, царствие небесное, с ложки начинала, в коммуналке. А эта что? Квартиру твою делит, дачу требует! Дочка мне звонила, Марина. Плакала. Говорит, ты её за пять тысяч совести лишил, заставил против матери пойти. Стыд-то какой, Витя!

Я молча жевал. Пирог застревал в горле.

— Посмотри на себя! — не унималась Зоя Ивановна. — Ты на кого похож стал? Худой, зеленый, как будто из тюрьмы вышел. Рубашка мятая, под глазами синяки. Надька за тобой как за ребенком ухаживала. Ты при ней лоснился, как кот на сметане! Чистенький, сытый, довольный. А сейчас что?

— Нормально всё у меня, — упрямо буркнул я. — Новая жизнь.

— Новая жизнь у тебя будет, когда на тот свет отправишься! — отрезала мать. — А сейчас у тебя — дурь в голове. Опомнись, Витька, пока не поздно. Приползешь ведь к ней. Обязательно приползешь. Только она тебя, может, и не примет уже. Говорят, за ней мужик какой-то ухаживать начал. Врач. Из поликлиники её. Вдовец, приличный. Не то что ты, кобель престарелый.

— Какой еще врач?! — я чуть не подавился. — Врет она всё! Кому она нужна?

— Увидишь, — загадочно сказала мать. — Такая женщина одна не останется. Это не твоя Ирка-пустышка.

Я не выдержал.

Доел третий пирог, залпом допил чай.

— Ладно, мам, я пойду. Дела.

— Куда ты поскакал? — крикнула она мне в спину. — Я тебе с собой заверну!

— Не надо! — я уже обувался в коридоре. Мне нужно было бежать. Бежать из этого царства уюта, порядка и укоризны.

— Скажи спасибо Надьке за пироги! — донеслось из кухни. — И передай ей, что мать у тебя не дура, всё видит! И если ты её до слез доведешь, квартиру я на нашего кота Ваську перепишу, а не на тебя! Слышишь?

— Слышу, — бросил я, захлопывая за собой дверь.

Я сбежал вниз по лестнице, как будто за мной гнались.

Сел в машину.

В салоне все еще витал едва уловимый, но стойкий запах Надиных духов «Climat» после поездки в гараж. А теперь к нему добавился запах капустных пирогов, который, казалось, исходил от моей одежды.

Я сидел, вцепившись в руль.

Меня трясло.

Мать права. Во всем права.

Надя — золото. Ирка — пустышка. А я — дурак.

Но признать это — означало расписаться в собственном поражении. Вернуться к Наде сейчас — это приползти побитым псом. Я не мог. Гордость не позволяла.

И этот врач... Какой еще, к черту, врач? Неужели правда?

Ревность, злая и холодная, как змея, шевельнулась где-то внутри.

«Моя Надя. И какой-то врач?».

Да я его...

Я разозлился. Разозлился на Надю еще больше. За то, что она такая правильная. За то, что она такая хорошая. За то, что она «покупает» мою мать пирогами и заставляет меня чувствовать себя ничтожеством.

«Я докажу, — упрямо подумал я, заводя мотор. — Я докажу вам всем. Что мой выбор — правильный. Что я счастлив. Что я не дурак».

И для этого мне нужно было еще больше денег. Еще больше доказательств моего успеха.

Нужно было что-то делать с дачей. Срочно.

Я ехал обратно к Ире, в квартиру с запахом гари и горой немытой посуды. А в животе у меня лежали три теплых, вкусных, заботливых Надиных пирога. И от этого было еще тошнее.

Глава 12

Понедельник имеет свой особый цвет. Обычно он был для меня серым, как застиранная больничная простыня: ранний подъем, суэта, сборы Виктора, его вечное ворчание «где мои носки» и тяжесть предстоящей недели.

Но этот понедельник был бордовым.

Цвета спелой вишни.

Именно такого цвета были мои ногти, когда я, проснувшись за пять минут до будильника, потянулась к тумбочке за телефоном. Я смотрела на свои руки и не узнавала их. Это были руки не уставшей медсестры, которая тридцать лет тащила на себе быт, а руки женщины, у которой есть тайна.

В квартире было тихо. Но эта тишина больше не казалась мне пустой или зловещей. Она была... прозрачной. Свежей, как воздух после грозы. Никто не гремел кастрюлями, не требовал глаженую рубашку, не включал телевизор на полную громкость.

Я принадлежала сама себе.

Вместо привычной бесформенной туники, в которой удобно бегать по этажам, я достала из шкафа белую блузку. Приталенную, с аккуратным воротничком-стойкой. Юбка-карандаш, которая висела без дела года два («Куда тебе в ней, Надь, ты же не на парад», — говорил Витя), села идеально.

Я нанесла каплю «Climat» за уши. Аромат смешался с запахом свежесваренного кофе, и от этого сочетания у меня вдруг выпрямилась спина.

— Доброе утро, Надежда Петровна, — сказала я своему отражению. — Идем украшать мир. Или хотя бы процедурный кабинет.

В поликлинике №2, как всегда по утрам, царил организованный хаос. Пахло хлоркой, бумажной пылью и тем непередаваемым запахом казенного учреждения, который не выветривается даже после евроремота.

В ординаторской уже гудели. Медсестры, сбившись в стайки, обсуждали выходные, цены на сахар и гололед.

Когда я вошла, гул на секунду стих.

— Ого! — Зиночка, наша старшая акушерка, поправила очки на носу. — Петровна, ты ли это? Прямо француженка! Маникюр, укладка... Влюбилась, что ли?

— В себя, Зина, — улыбнулась я, вешая шубу в шкаф. — Решила, что пора.

— И правильно! — подмигнула мне Тамара из регистратуры, женщина с громким голосом и локаторами вместо ушей. — Твой-то, говорят, в субботу на авторынке резину продавал? Видели его. Зеленый весь, дерганый. Видать, молодуха соки пьет, а кормить забывает.

Я промолчала, лишь пожала плечами. Мне было странно это слышать. Словно говорили о каком-то дальнем родственнике, который попал в неприятности по глупости. Жалости не было. Злорадства — тоже. Было какое-то брезгливое равнодушие.

В этот момент дверь распахнулась, и вошла Марья Семеновна, наш главврач. Женщина строгая, но справедливая. Рядом с ней, возвышаясь на голову, шел мужчина.

Разговоры смолкли мгновенно.

— Коллеги, минуту внимания! — постучала Марья Семеновна ручкой по столу. — У нас пополнение. Прошу любить и жаловать, наш новый хирург, заведующий дневным стационаром — Петр Ильич Воскресенский. Переехал к нам из областного центра.

Я подняла глаза и невольно задержала дыхание.

Петр Ильич был... как бы это сказать... из другой породы. Не такой, как наши местные мужички — приземленные, суетливые, с вечными разговорами о рыбалке и гаражах.

Высокий, подтянутый. Благородная седина на висках, аккуратная стрижка. Идеально выглаженный халат, из-под которого виднелся воротник белоснежной рубашки и галстук. Лицо у него было спокойное, умное, с тонкими морщинками у глаз, которые бывают у людей, много повидавших, но не озлобившихся.

— Доброе утро, — сказал он. Голос у него оказался глубоким, бархатистым баритоном. Не громким, но таким, что его хотелось слушать. — Рад присоединиться к вашему коллективу. Надеюсь, сработаемся.

Он обвел взглядом присутствующих. Когда его глаза — серые, внимательные — остановились на мне, я почему-то смутилась и поправила воротничок блузки. Он едва заметно кивнул, словно приветствуя лично меня, и перевел взгляд дальше.

— Ох, девочки... — выдохнула Зиночка мне в ухо, когда начальство вышло. — Какой мужчина! А фамилия-то какая — Воскресенский! Как у попа или у графа. И кольца нет! Ты видела? Видела?

— Видела, Зина. Работать пора, — одернула я её, но сердце почему-то пропустило удар.

Приятный мужчина. Очень приятный. Витя на его фоне казался каким-то... помятым. Небрежным.

«Стоп, Надя, — одернула я себя. — Хватит сравнивать. Тебе мужики больше не нужны. У тебя план "Счастливая бывшая", а не "В активном поиске"».

День закрутился в привычном ритме. Капельницы, уколы, перевязки. «Сестричка, у меня вена плохая», «Сестричка, а больно не будет?», «Сестричка, я боюсь».

Я любила свою работу. Здесь я чувствовала себя нужной. Здесь мои руки знали, что делать, даже если голова была занята другим.

Ближе к обеду в процедурный привели Ивана Кузьмича — нашего постоянного пациента, вредного дедушку с хроническим бронхитом и полным набором старческих капризов.

— Не дамся! — вопил он еще в коридоре. — В прошлый раз мне Ленка всю руку исколола, синяк вон до сих пор! У меня вены — ниточки, а вы туда иглами тычете, как в подушку!

— Иван Кузьмич, успокойтесь, — уговаривала я его, усаживая на кушетку. — Это же я, Надя. Вы же знаете, я аккуратно.

— Надя, не Надя... Все вы живодеры! — он трясся мелкой дрожью, отдергивая руку. — Давление скачет, сердце колотится... Ой, плохо мне!

Я видела, что он не притворяется — страх у стариков бывает иррациональным. Вены у него и правда были сложные, «убегающие». А тут еще нервы — спазм сосудов, попасть будет трудно.

Я наложила жгут, пытаюсь нащупать вену. Дед дернулся.

— Ай! Больно! Жмет!

Я начала нервничать. Пот выступил на лбу. В коридоре очередь, время идет, а я вожусь.

Дверь кабинета открылась.

Я думала, это Зина пришла на помощь, но на пороге стоял Петр Ильич. В руках у него была чья-то история болезни.

— Что у нас тут за шум, а драки нет? — спокойно спросил он, проходя в кабинет.

Иван Кузьмич замер с открытым ртом.

— Да вот... мучают ветерана, — пожаловался он, но уже тише.

Петр Ильич подошел к кушетке. Он не стал командовать, не стал выгонять меня или читать нотации, как любила делать Марья Семеновна. Он просто положил руку дедушке на плечо. Спокойно так, уверенно.

— Иван Кузьмич, — сказал он, глядя старику в глаза. — Я вашу карту смотрел. Вы, говорят, знатный рыбак были? Шуку на десять килограмм брали?

Дед моргнул. Страх в его глазах сменился удивлением.

— Ну... было дело. На двенадцать даже. На блесну.

— На блесну — это мастерство, — уважительно кивнул Петр Ильич. — Я вот больше по спиннингу, но таких трофеев не было. Расскажите потом, в какой заводи ловили? А сейчас давайте мы с Надеждой Петровной свое дело сделаем. Вы просто в окно посмотрите, там снегири прилетели. Красивые.

Он говорил тихо, гипнотически. Дед повернул голову к окну.

Петр Ильич посмотрел на меня. В его взгляде не было нетерпения или оценки. Только поддержка.

— Работайте, Надежда. Спокойно. У вас получится.

Я выдохнула. Его спокойствие каким-то чудесным образом передалось мне. Руки перестали дрожать. Я увидела вену — тонкую, синюю ниточку.

Одно точное движение. Игла вошла мягко, как в масло. Пошла темная кровь в пробирку.

— Вот и всё, — сказала я, снимая жгут. — А вы боялись.

Иван Кузьмич удивленно посмотрел на руку.

— И всё? Даже не почувял. Ну, Надька... Ну, мастерица.

Петр Ильич улыбнулся. Улыбка у него была удивительная — глаза смеялись, а уголки губ чуть дрогнули.

Когда деда увели, я начала убирать со стола использованные ватки и шприцы. Мне было неловко. Показала себя не с лучшей стороны перед новым начальством — возилась, нервничала.

— Извините, Петр Ильич, — сказала я, не глядя на него. — Заминка вышла. Характерный пациент.

— За что вы извиняетесь? — искренне удивился он.

Он подошел к моему столику. Я почувствовала запах его парфюма — дорогой табак, сандал и немного цитруса. Мужской, сдержанный запах. Не резкий, как у Виктора, который поливался одеколоном «Саша» или тем, что дарила Ира.

— Вы отлично справились, — сказал он. — Я много медсестер видел, Надежда Петровна. Поверьте моему опыту. Но у вас...

Он сделал паузу, и я подняла на него глаза.

— У вас золотые руки. И, что еще важнее, очень доброе сердце. Вы его не торопили, не кричали. Это редкое сочетание в нашей профессии. Берегите его.

Я почувствовала, как кровь приливает к щекам. Жар залил лицо, шею, уши.

Мне пятьдесят пять лет. Я тридцать лет замужем. Я забыла, когда мне в последний раз говорили комплименты не про борщ и не про выглаженную рубашку.

А тут... «Золотые руки». «Доброе сердце».

В этот самый момент дверь кабинета приоткрылась. На пороге возникла Тамара из регистратуры с пачкой талонов.

Она замерла, раскрыв рот.

Картина маслом: новый хирург стоит в полушаге от медсестры Нади, смотрит ей в глаза и говорит что-то про сердце, а Надя краснеет, как гимназистка.

— Ой... я помешала? — елеиным голосом спросила Тамара, и её глаза-локаторы жадно впитали каждую деталь: мой румянец, его улыбку, наши позы.

— Нет, Тамара Ивановна, заходите, — Петр Ильич спокойно отошел к окну. — Мы как раз закончили обсуждение сложного случая.

Тамара хмыкнула, положила талоны и выскользнула за дверь. Я знала: через пять минут вся поликлиника будет знать, что у нас «обсуждение». И не просто случая, а чего-то поинтереснее.

— Спасибо, — тихо сказала я Петру Ильичу. — За помощь с дедушкой.

— Обращайтесь, — он кивнул и вышел, оставив после себя шлейф сандала и моего смущения.

К обеду поликлиника гудела, как растревоженный улей.

Когда я зашла в сестринскую, чтобы разогреть свой контейнер (сегодня там была гречка с курицей, диетическая, для себя любимой), на меня уставились пять пар глаз.

— Ну, колись! — первой не выдержала Зиночка. — Что там у вас было? Тамарка говорит, он тебе чуть ли не в любви признавался!

— Какой любви, Зина? — я устало опустила на стул. — Он сказал, что я хорошо укол сделала. Всё.

— Ага, «всё», — передразнила Тамара, жуя бутерброд. — Я слышала! «У вас, Наденька, сердце золотое, руки бриллиантовые, давайте поженимся». Ну, почти так! И смотрел он... Ох, девки, как он смотрел! Как кот на сметану. Уж я-то мужиков знаю. Запал он. Точно запал.

— Да ну вас, — отмахнулась я, чувствуя, как снова краснею. — Человеку шестьдесят лет, он вдовец, интеллигент. Просто вежливый. Это вы привыкли, что наши хирурги только матом ругаться умеют да спирт требовать.

— Вежливый... — мечтательно протянула санитарка тетя Паша. — А ведь какая пара была бы! Он статный, ты у нас теперь красавица. Витька твой, дурак, локти бы по самые плечи сгрыз!

Упоминание Виктора немного охладило мой пыл.

— Девочки, давайте закроем тему. Он мой начальник. И мне сейчас не до романов. Мне бы с разводом разобраться и дачу отвоевать.

Но остановить эту лавину было уже невозможно. В маленьком городе новость — это валюта. А новость о том, что за брошенной женой «Витьки-дурака» (кличка прилипла к нему мгновенно) ухаживает столичный профессор (должность росла с каждым пересказом), была самой твердой валютой.

В коридоре, ожидая приема к терапевту, сидела Галина Степановна Галкина. Жена начальника цеха, где работал Виктор. Женщина грузная, властная и обожающая собирать сплетни, как грибы.

Она сидела прямо напротив регистратуры.

И конечно, слышала, как Тамара громким шепотом вещала кому-то по телефону:

— Да, представляешь! Воскресенский! Тот самый! Прямо в кабинете ей сказал: «Вы, Надежда, сокровище, я таких не встречал». А Надька-то расцвела! Шубу надела, прическу навела. Видать, давно у них это... Может, потому и Витьку выгнала?

Галина Степановна наострила уши. Пазл в её голове сложился мгновенно, причем в самую причудливую картину.

«Ага! — подумала она. — Так вот оно что! Витька-то, дурачок, думает, что он сам ушел. А оказывается, Надька-тихоня ему замену нашла, да еще какую! Врач! Богатый, наверное. А Витька теперь с этой продавщицей мыкается».

Она достала телефон. Ей не терпелось поделиться открытием с мужем. А муж, Петр Семенович, мужик простой, не преминет подколость своего подчиненного.

Вечер понедельника я встретила дома.

Странное дело — раньше я бежала домой, чтобы успеть приготовить, постирать, убрать. Вечер был второй сменой.

Теперь вечер был моим.

Я не стала включать телевизор. Его бубнеж раздражал.

Я налила себе чаю с мятой. Достала из книжного шкафа томик Есенина. Витя всегда смеялся над моими книгами: «Стихи? Зачем тебе эта тоска? Лучше новости посмотри».

А я любила Есенина.

Я села в кресло, поджав ноги. Тишина обволакивала, как теплый плед.

Я вспоминала сегодняшний день. Глаза Петра Ильича. Его голос.

«Золотые руки».

Нет, я не строила иллюзий. Я взрослая женщина, битая жизнью. Я понимала, что Зиночка и Тамара раздули из мухи слона. Никакого романа нет.

Но было другое.

Впервые за много лет я почувствовала себя... ценной. Не как функция (подай, принеси, погладь), а как личность. Как профессионал. Как женщина.

Я провела рукой по волосам.

Может, Люба права? Может, жизнь в пятьдесят пять не заканчивается?

В это самое время, в другом конце города, в квартире с картонными стенами, Виктор лежал на продавленном диване. У него болел живот (ужин снова состоял из пельменей, потому что Ира «устала» в салоне красоты), и ныла душа.

Его телефон пискнул. Пришло сообщение в Вотсап. От начальника цеха, Галкина.

Виктор открыл его лениво, думая, что там про смену.

Текст гласил:

«Сергейч, ты там совсем кукухой поехал? От такой бабы уйти... Моя Галка сегодня в поликлинике была. Говорит, за твоей Надькой уже новый хирург ухлестывает. Воскресенский какой-то, крутой мужик, профессор. Говорят, любовь у них, он ей комплименты при всех сыплет. Прошляпил ты свое счастье, дурак. Надька-то теперь при статусе будет, а ты с шалавой своей без порток останешься. Мужики в курилке ржуют».

Виктор перечитал сообщение дважды.

Телефон чуть не выпал из рук.

Хирург. Профессор. Любовь.

«Ты — сокровище».

Кровь бросилась ему в лицо. Ревность, горячая, липкая, собственническая, ударила в голову сильнее коньяка.

— Надя... — прохрипел он. — Ах ты ж... тихушница!

Значит, не врала мать? Значит, правда?

Пока он тут давится пельменями и спит на пружине, она крутит романы с профессорами?

Так вот почему она так вырядилась в пятницу! Вот почему духами пахла! Вот почему огурцы брала — закусывать с ним?!

— Витя, ты чего сопшишь, как паровоз? — недовольно спросила Ира, не отрываясь от своего золотого айфона. — Мешаешь кино смотреть.

Виктор посмотрел на неё. На её халатик, на грязную тарелку на столе, на гору неглаженого белья в углу.

А перед глазами стояла Надя. В шубе. С новой прической. И рядом с ней — какой-то прозрачный, но уже ненавистный профессор в белом халате.

— Ничего, — процедил Виктор, сжимая телефон так, что побелели костяшки. — Просто новости читаю. Интересные новости.

Он не отдаст её.

Хрен вам, профессор. Надя — его жена. Тридцать лет. И какая-то там «золотая рука» не посмеет её забрать.

Он еще покажет. Он еще вернется.

Но сначала надо разобраться с деньгами. И с Ирой.

А Надя в это время перевернула страницу книги и прочитала вслух, в тишину своей чистой квартиры:

«Не жалею, не зову, не плачу,

Все пройдет, как с белых яблонь дым...»

Она улыбнулась.

Дым рассеивался. И за ним начинало проглядывать что-то новое. И это новое ей определенно нравилось.

Глава 13

Вторник выдался на редкость суматошным. В поликлинике был день здорового ребенка, коридоры гудели, как улей, в который сунули палку. К вечеру голова напоминала чугунный котел, в котором кто-то забыл выключить огонь.

Раньше, в «прошлой жизни» (странно, всего полторы недели прошло, а кажется — годы), я бы помчалась домой, на ходу прикидывая, что быстрее приготовить: макароны по-флотски или ленивые голубцы. Витя не любил ждать ужин. Если в семь вечера тарелка не стояла на столе, он начинал демонстративно греметь дверцами шкафов и жевать сухари с видом мученика, умирающего от голода в Поволжье.

Но сегодня спешить было некуда.

Я вышла с работы, вдохнула морозный воздух и поняла, что домой не хочу. Точнее, хочу, но не к плите, а к отдыху.

Ноги сами повернули в сторону большого гипермаркета, сверкающего огнями витрин, как новогодняя елка.

Шопинг. Раньше это слово вызывало у меня нервный тик. Шопинг с Витей выглядел так: мы хватали тележку и неслись по рядам, сметая все, на чем висели желтые ценники. «Надя, бери гречку, три пачки, дешево!», «Надя, свинина по акции, жирная, на котлеты пойдет!», «Надя, зачем тебе этот йогурт, это химия, возьми сметану!».

Я была интендантом, обеспечивающим продовольствием небольшую армию в лице одного прожорливого мужа.

Сегодня я взяла маленькую, аккуратную корзинку.

Колесики тележки тихо шуршали по глянцевому полу. Играла ненавязчивая музыка. Вокруг ходили люди, но я чувствовала себя словно в капсуле спокойствия.

Я подошла к рыбному отделу. На льду, сверкая серебристой чешуей, лежала форель.

— Вам стейк или целиком? — спросил продавец в белоснежном фартуке.

— Стейк, пожалуйста. Вот этот, посередине.

— Отличный выбор. Лимончик возьмете?

Я взяла и лимон. И пучок рукколы, которую Витя называл «сорняком для коз». И баночку творожного сыра с зеленью. И авокадо — мягкое, спелое, а не те деревянные камни, что обычно лежат в ящиках.

Потом я завернула в винный отдел. Долго стояла перед полками, читая этикетки. Выбрала бутылку сухого белого вина. Италия. Не самое дорогое, но и не из пакета.

Я смотрела в свою корзину и видела там не продукты. Я видела там уважение к себе.

Да, это стоило дороже, чем макароны. Но я кормила одну женщину — себя. И эта женщина заслужила нормальный ужин, а не бесконечную экономию на спичках.

Настроение поднималось, как дрожжевое тесто. Я чувствовала себя европейской пенсионеркой из рекламы пенсионного фонда — ухоженной, спокойной, выбирающей сыр к вину.

Эффект от вчерашнего комплимента Петра Ильича («золотые руки») все еще держал мою спину прямой, как струна.

Я свернула в отдел бакалеи, чтобы взять пачку хорошего кофе в зернах.

И тут я услышала этот голос.

— Вить, ну возьми! Ну по акции же! Три по цене двух!

Голос был визгливым, капризным и до боли знакомым. Он царапал слух, как гвоздь по стеклу.

Я замерла за стеллажом с крупами.

— Ира, — раздался в ответ глухой, унылый бас Виктора. — Куда нам столько пива? У меня желудок отваливается. Я соды вчера напился, до сих пор изжога. Давай лучше кашу возьмем? Овсянку. Или рис.

— Кашу?! — возмутилась невидимая пока Ира. — Ты что, в санатории? Мы сериал будем смотреть! Под кашу, что ли? Бери чипсы, вон те, с крабом, большую пачку. И пельменей захвати, там «Цезарь» дорогой, возьми эти, «Сибирские», на развес которые. Какая разница, тесто и мясо везде одинаковое.

— Там не мясо, там соя, — слабо сопротивлялся Виктор.

— Ой, не гуди! Ты мне айфон купил? Купил. Теперь экономить надо. Кредит сам себя не погасит. Грузи давай.

Я почувствовала, как губы сами собой растягиваются в злую усмешку. Экономить, значит. Кредит, значит.

«Сибирские на развес». Категория «Г», где «Г» означает совсем не «Герой».

Я могла бы развернуться и уйти. Сделать круг через отдел бытовой химии, чтобы не встречаться с ними.

Но почему я должна бегать? Это мой магазин. Мой вечер. И моя жизнь.

Я поправила воротник пальто, проверила, на месте ли сумка, и решительно выкатила тележку из-за укрытия.

Они стояли прямо посередине прохода, загородив путь к майонезу и кетчупам.

Картина была... живописная.

Виктор выглядел так, словно его пожевали и выплюнули. Он был в той самой куртке, в которой приезжал в гараж, только теперь на ней красовалось темное масляное пятно на рукаве. Лицо серое, под глазами мешки, щетина трехдневная, но не брутальная, а неряшливая. Он с тоской смотрел на полку с «Дошираком», словно видел там эликсир бессмертия.

Ира была под стать своему кавалеру. На ней был модный нынче костюм «оверсайз» какого-то ядовито-бежевого цвета. Огромное худы висело мешком, штаны с начесом делали её бедра необъятными. На голове — невымытый пучок, стянутый резинкой. Никаких шпилек, никакой шубки. Быт сожрал «королеву» за неделю.

Их тележка была набита с горкой. Снизу — батарея пластиковых «полторашек» с самым дешевым пивом. Сверху — пакеты с майонезными соусами, чипсы, сухарики, какие-то яркие пачки с полуфабрикатами сомнительного качества. И, венчал эту пирамиду холестерина, огромный пакет дешевых пельменей, слипшихся в один ледяной ком.

— Осторожнее, — сказала я громко, подъезжая ближе.

Виктор вздрогнул и обернулся.

Увидев меня, он замер. Его взгляд метнулся к моей тележке.

Там, на чистом дне, лежал благородный стейк форели. Зеленый, свежий пучок рукколы. Авокадо. И бутылка вина с красивой этикеткой.

Я видела, как его кадык дернулся. Он сглотнул. Я знала этот взгляд — взгляд голодного мужчины, который понимает толк в еде. Он помнил, как я готовлю рыбу: в фольге, с травами, чтобы она таяла во рту.

Потом он перевел взгляд на свою тележку. На пельмени категории «Г».

И попытался закрыть её спиной. Неуклюже, суетливо. Как нашкодивший кот прикрывает кучку на ковре.

— Надя? — выдохнул он.

А потом его взгляд зацепился за бутылку вина.

Его глаза сузились. Лицо пошло красными пятнами. Ревность, смешанная с голодом — страшная смесь.

«Вино. Кому? Врачу этому? Воскресенскому?» — читалось на его лбу бегущей строкой. Но сказать он ничего не успел. В бой вступила тяжелая артиллерия в бежевом худи.

Ира, заметив, куда смотрит её «тигр», мгновенно ошетибилась. Она увидела меня — причесанную, в хорошем пальто, с макияжем, с корзиной деликатесов. И увидела себя — в трениках, с невытой головой и тележкой «бич-пакетов».

Женская интуиция подсказала ей: сравнение проиграно всухую. И лучшая защита — это нападение.

Она резко толкнула свою тележку, врезаясь колесом в бок моей корзины.

— О! Здравсьте! — рывкнула она, жуя жвачку. — Чего встали посреди прохода? Тут люди ходят, а не на экскурсии стоят!

Я спокойно посмотрела на неё.

— Добрый вечер, — сказала я ровным тоном. — Проход широкий. Места всем хватит.

— Это тебе не хватит! — Ира повысила голос, привлекая внимание покупателей. Ей хотелось скандала. Ей хотелось унижить меня публично, чтобы возвыситься самой. — Встала тут, раскорячилась. Бабуля, подвинься! Дай дорогу молодым! У нас любовь и планы на вечер, а не то что у тебя — кефир, климакс и телевизор!

Вокруг стало тихо. Женщина, выбиравшая макароны, замерла с пачкой в руке. Парень-мерчендайзер выглянул из-за коробок.

Я перевела взгляд на Виктора.

Он стоял, втянув голову в плечи. Он слышал это «бабуля». Он видел меня. Он понимал, что я выгляжу лучше, чем тридцать процентов женщин в этом магазине. Но он молчал.

Он боялся. Боялся Иру, боялся её истерики, боялся этого чертового кредита на телефон, который висел на нем ярмом.

Он снова предал меня. Своим молчанием.

Ну что ж.

Я медленно, демонстративно оглядела Иру с головы до ног. Задержала взгляд на её бесформенных штанах, обтягивающих совсем не хрупкие бедра. Посмотрела на тележку, забитую чипсами и майонезом. А потом снова ей в лицо.

И улыбнулась.

Широко. Лучезарно. Так улыбаются психиатры буйным пациентам.

— Деточка, — сказала я мягко, но так, что слышно было в соседнем отделе. — Я-то подвинусь. Мне не сложно, я женщина стройная. А вот твоя целлюлитная задница через пару лет в дверь не пролезет с таким питанием. Ты посмотри на свою корзину. Это же гастрономическое самоубийство.

Ира открыла рот, но звук издать не успела. Воздух застрял в горле.

— Ты бы на майонез не налегала, милая, — продолжила я, кивнув на пачки соуса. — И на пиво. А то Витя у нас эстет. Он «теток» не любит. Он любит стройных, звонких и ухоженных. А ты к статусу «бабищи с авоськами» идешь семимильными шагами. Еще полгода такой диеты — и он от тебя к другой сбежит. К той, которая в проход помещается.

И тут случилось страшное.

Виктор хрюкнул.

Это был невольный звук, рефлекс, который он не смог сдержать. Нервное напряжение, абсурдность ситуации и — да, правда моих слов — прорвались наружу коротким, лающим смешком.

Он тут же зажал рот рукой, закашлялся, делая вид, что поперхнулся, но было поздно. Глаза Иры налились кровью. Она стала пунцовой, под цвет пачки чипсов с крабом.

Её унизила не я. Её унизил он. Своим смешком.

— Ты чего ржешь?! — взвизгнула она, поворачиваясь к нему. — Ты на чьей стороне вообще?! Она меня оскорбляет, жирной называет, а ты ржешь?!

— Ира, тихо... — пробормотал Виктор, багровея. — Люди смотрят... Пошли...

— Ах, люди смотрят?! А когда твоя бывшая меня целлюлитной назвала, ты молчал?!

Я не стала дожидаться второго акта этой драмы. Мне было достаточно.

Я кивнула им, как кивают назойливым промоутерам с листовками.

— Приятного аппетита, голубки, — бросила я на прощание. — И, Витя... не забудь «Мезим» купить. Или соды. А то ночь у вас будет бурная не от страсти, а от газов. С таким-то меню.

Я развернула тележку и покатила её к кассам. Спина прямая, голова гордо поднята.

Сзади доносилось шипение Иры: «Я сейчас ей волосы выдерну! Ты слышал?! Слышал про газы?!». И жалкое, умоляющее бубнение Виктора: «Ира, ну хватит, ну пошли, ну не начинай...».

На кассе было свободно.

Я выкладывала на ленту свои сокровища. Серебристая форель, изумрудная зелень, темное стекло бутылки.

Кассирша, уставшая женщина с бейджилом «Светлана», пробивала товары.

— Пакет нужен?

— Да, пожалуйста.

Я расплатилась картой. Телефон пискнул, сообщая о списании. Денег было достаточно. Я чувствовала спокойствие и уверенность человека, который твердо стоит на ногах.

В соседнюю кассу, где очередь была длиннее, встал Виктор.

Я видела их боковым зрением, пока укладывала продукты.

Ира стояла к нему спиной, скрестив руки на груди, и демонстративно смотрела в телефон (новый, золотой, купленный ценой его свободы). Она дулась.

Виктор выкладывал на ленту свое богатство.

Пельмени грохнулись с глухим стуком. Пластиковые бутылки с пивом поехали, звеня друг о друга. Пачки майонеза, сухарики, какая-то дешевая колбаса.

Он суетливо хлопал себя по карманам. Искал карту скидок. Не нашел.

Потом достал кошелек. Вытряхнул мелочь. Её не хватало.

Тогда он достал ту самую кредитку. Яркую, банковскую, с хищным логотипом.

Он сунул её в терминал. Руки у него дрожали.

Он выглядел побитым. Серым. Старым.

В его осанке не осталось ничего от того «орла», который две недели назад кричал мне про «свежий воздух» и «новую жизнь».

Передо мной стоял уставший, больной мужчина, который попал в кабалу к взбалмошной девице и теперь расплачивался за свою глупость здоровьем и кошельком.

Раньше, увидев этот набор продуктов, я бы испытала жалость. Я бы подумала: «Бедный, как же его желудок? У него же кислотность! Надо ему бульончику...».

Я бы, возможно, даже подошла и сказала: «Витя, не бери эти пельмени, возьми лучше курицу».

Сейчас я смотрела на него и чувствовала... безразличность.

Как будто увидела человека, который добровольно лезет в грязную лужу.

— Это твой выбор, Витя, — мысленно сказала я ему. — Ешь. Не обляпайся.

Я взяла пакет и пошла к выходу, не оглядываясь.

Автоматические двери разъехались передо мной, выпуская в морозный вечер.

Воздух был чистым и вкусным.

Дома я включила на кухне бра — мягкий, теплый свет залил столешницу. Включила радио — там играл какой-то старый, спокойный джаз.

Стейк форели зашипел на сковородке, наполняя кухню ароматом хорошей рыбы и лимона. Не гари, не дешевого жира, а благородной еды.

Я накрыла на стол. Постелила красивую салфетку. Поставила бокал — тонкий, на высокой ножке. Налила вина. Оно было золотистым, холодным.

Я села за стол. Одна.

Напротив никого не было. Никто не чавкал, не бубнил, не требовал соли, не смотрел новости про политику.

Никто не вонял перегаром и дешевыми пельменями.

Я сделала глоток вина. Вкус был терпким, с нотками фруктов.

Перед глазами встало перекошенное от злости лицо Иры и багровое от стыда лицо Виктора.

Тот смешок... Этот короткий, предательский смешок Виктора был для меня слаще самой изысканной музыки. Он означал одно: пелена спадает. Он видит, кто рядом с ним. Он видит эту тележку с майонезом и понимает, во что вляпался.

Но выбраться уже не может. Кредит держит крепче цепей.

— За твою «новую жизнь», Витя, — салютовала я бокалом пустому стулу напротив. — И за мою целлюлитную задницу, которая, в отличие от твоей совести, чиста.

Я отрезала кусочек рыбы. Она таяла во рту.

Господи, как же хорошо. Как спокойно.

Я чувствовала себя сильной. Неуязвимой. Я выиграла этот бой, даже не вступая в драку. Я просто показала им зеркало, и они испугались собственного отражения.

Я еще не знала, что эта сила и это спокойствие понадобятся мне уже завтра. Когда телефон зазвонит, и голос Виктора, сорванный от боли и страха, будет умолять меня о помощи.

И мне придется сказать самое трудное «нет» в своей жизни.

Но это будет завтра. А сегодня у меня форель, вино и джаз. И я абсолютно счастлива.

Глава 14 (Виктор)

от лица Виктора

Пятница, тринадцатое. В календаре значилось просто пятнадцатое число, но по ощущениям это была самая настоящая черная пятница моей жизни.

Я парковал «Тойоту» во дворе иринкиного человеиника минут двадцать. На летней резине, по ледяной колее, которую раскатали кредитные кроссоверы, машина вела себя как корова на льду. Меня заносило, колеса шлифовали наст, мотор ревел, сжигая остатки бензина. Когда я наконец заглушил двигатель, рубашка под пуховиком прилипла к спине.

Кстати, о спине. Она ныла.

Всю неделю она подавала сигналы бедствия — тянула, стреляла, отдавала тупой болью в ногу. Я глушил эти сигналы дешевыми обезболивающими, которые стрелял у мужиков в цеху, потому что купить нормальные лекарства было не на что. Весь мой бюджет ушел на погашение процентов по микрозаймам (да, пришлось взять, чтобы дожить до получки) и на еду, которая исчезала в недрах этого дома, как в черной дыре.

Я вышел из машины, стараясь не поскользнуться. В животе урчало. Обед в заводской столовке был шесть часов назад — пустой суп и кусок хлеба. Мечта о жареной картошке с салом, которую Надя обычно готовила по пятницам, вызвала болезненный спазм.

— Ничего, — пробормотал я, заходя в подъезд, где пахло кошачьей мочой и жареным луком. — Сейчас приду, пельмешки сварю. Полежу. Ира, может, дома, массаж сделает...

Лифт не работал. Опять.

Я посмотрел на лестничный пролет, уходящий вверх, и мне захотелось взвыть. Третий этаж. Вроде невысоко, но с моей спиной это казалось восхождением на Эверест.

Я поднимался, держась за перила, как глубокий старик. Каждая ступенька отдавалась глухим ударом в пояснице.

«Тигр», — с горькой усмешкой вспомнил я. — «Облезлый, хромой тигр».

Ключ в замке повернулся с трудом. Я вошел в квартиру.

В нос ударил резкий запах лака для волос и сладких духов. В коридоре горел свет, валялась обувь (мои ботинки Ира пнула в угол, свои сапоги бросила посередине). Из комнаты доносилась ритмичная клубная музыка.

— Ира, я дома! — крикнул я, стягивая куртку. Нагибаться, чтобы расшнуровать ботинки, было страшно, поэтому я просто стащил их, наступая одной ногой на пятку другой. Варварство, Надя бы убила за такое отношение к обуви. Но Нади тут не было.

Я прошел в комнату.

Ира сидела на диване, окруженная ворохом одежды. Она собиралась.

На ней было короткое блестящее платье, которое больше напоминало широкую майку, и черные колготки. Она красила ногти на ногах, неестественно выгнув ступню и высунув кончик языка от усердия. Рядом лежал тот самый золотой айфон, транслируя какой-то быоти-блог.

— О, пришел? — она мельком глянула на меня. — Вить, сделай кофе, а? Я не успеваю, девочки уже такси вызвали.

— Куда? — я тупо смотрел на ее сборы. — Мы же... вроде дома хотели? Пятница же.

— Ну вот именно! Пятница! — она дунула на покрашенный ноготь. — В «Платину» идем, там сегодня диджей модный. Мне телефон выгулять надо, пофоткаться. Ты же не пойдешь, ты у нас «устаешь».

Она сказала это с такой легкой пренебрежительностью, что мне захотелось сесть на пол и заплакать. Я купил этот телефон ценой своей финансовой свободы. Я продал ради него безопасность. А теперь она идет «выгуливать» его с подружками, оставляя меня жрать пустые пельмени.

— Ира, у меня спина болит, — жалобно сказал я. — Может, останешься? Посидим, кино посмотрим...

— Вить, не будь душным! — она поморщилась. — Кино ты и один посмотришь. Ой, слушай! У меня помада за диван закатилась, любимая, красная. Достань, а? А то у меня лак не высох, смажу.

Я посмотрел на щель между диваном и стеной. Узкую, темную щель.

— Ира, мне нагибаться больно.

— Ну пожалуйста! — она сложила ладошки лодочкой и похлопала ресницами. — Ради меня. Ты же мой герой.

«Герой». Слово-крючок. Слово-наживка.

Я вздохнул. Ладно. Достану помаду, может, хоть подobreет, пельменей сварит перед уходом.

Я подошел к дивану. Медленно, осторожно опустился на колени. Спина отозвалась предупреждающим прострелом, но я проигнорировал.

Просунул руку в пыльную щель. Пальцы нащупали что-то липкое (конфета?), комок пыли, и, наконец, гладкий тюбик.

— Есть, — выдохнул я.

И начал разгибаться.

Нужно было сделать это плавно. Но я дернулся, пытаюсь встать с колен поудобнее.

И тут мир взорвался.

В пояснице словно сдетонировала граната. Боль была такой резкой, ослепляющей, что у меня потемнело в глазах. Казалось, позвоночник перерубили топором, а в открытую рану плеснули кипятка.

— А-А-А!!! — заорал я не своим голосом.

Ноги отказали. Я рухнул на бок, прямо на грязный ковер, скрючившись в позе креветки. Дышать было невозможно — любой вдох отзывался новой вспышкой боли.

— Витя! — взвизгнула Ира. — Ты чего орешь?! Напугал!

Я лежал, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Слезы брызнули из глаз сами собой.

— Спина... — прохрипел я. — Заклинило... Не могу...

Ира встала с дивана, стараясь наступать только на пятки (лак же!). Посмотрела на меня сверху вниз. В её взгляде не было страха. Не было сочувствия. Там было раздражение. Брезгливость. Как будто я — нагадивший кот, испортивший ей вечер.

— Ну вот, началось, — протянула она капризно. — Вечно у тебя что-то отваливается. Вить, вставай давай. Мне одеваться надо, а ты тут разлегся.

— Не могу... — я попытался пошевелиться и взвыл. — Ира, помоги... Руку дай... До кровати...

— Ага, щас! Ты тяжелый! Я спину сорву, кто меня лечить будет? И маникюр испорчу. Ползи сам.

Я смотрел на нее снизу вверх. Красивая, в блестках, молодая. Чужая.

— Мазь... — выдавил я. — В ванной... тюбик... Разотри... Пожалуйста...

— Фу, Вить! — она сморщила носик. — Она же воняет! Ментолом этим и старостью! Я сейчас вся пропахну, меня в клуб не пустят. И руки жирные будут.

— Мне больно! — крикнул я, и крик перешел в стон.

— Не ори! Соседи услышат! — шикнула она. — Выпей таблетку какую-нибудь.

— Нет таблеток... Я не купил... Денег не было...

Ира закатила глаза.

— Ой, всё. С тобой каши не сваришь. Лежи тогда, само пройдет.

Она перешагнула через меня — буквально перешагнула, стараясь не задеть подолом платья мои брюки — и пошла к зеркалу докрашивать губы. Той самой помадой, которую я достал ценой своего позвоночника.

Я остался лежать на полу. Боль пульсировала в такт сердцу. Каждое движение причиняло муку.

Мне нужен укол. Срочно. «Диклофенак», «Вольтарен», «Мовалис» — названия всплывали в памяти, как имена старых друзей.

Нужно сделать блокаду. Или хотя бы в мышцу.

Кто сделает?

Ира? Она брезгует мазью, укол она точно не сделает. Да и убьет еще, попадет не туда.

Скорую? В пятницу вечером? Они приедут через три часа. И увезут в больницу. А в больницу мне нельзя. Там узнают на работе, спишут по здоровью, прощай должность начальника смены. Да и стыдно... Мужик, 57 лет, молодая жена, а его на носилках выносят.

Надя.

Мысль о ней пришла как озарение.

Надя — медсестра. Профессионал. У неё «легкая рука». Сколько раз она колола меня, когда я срывал спину на даче? Я даже не чувствовал иглы.

Она живет в двух кварталах отсюда.

И она — моя. Ну, бывшая. Но мы же родные люди. Тридцать лет вместе. Разве она бросит меня в беде? Я же отец её детей.

Я вспомнил, как она говорила в гараже: «Береги себя, Витя». С иронией, да. Но ведь сказала. Значит, волнуется.

Она, наверное, сидит сейчас дома одна. Книжку читает или телевизор смотрит. Скучает. Ей будет даже в радость почувствовать себя нужной. Прибежит, спасет, поворчит, конечно... но спасет.

Я пошарил рукой по полу. Телефон выпал из кармана, когда я упал. Вот он, лежит в метре.

Я полз к нему, как Маресьев по снегу. Сантиметр за сантиметром, сжимая зубы, чтобы не орать.

Дотянулся.

Пальцы дрожали так, что я три раза промахнулся мимо иконки вызова.

Нашел контакт «Надя».

Нажал.

Прижал трубку к уху.

Гудки. Длинные, гулкие.

Один. Два. Три.

«Возьми трубку, Надя. Ну же. Мне плохо. Я умираю».

Ира включила фен. Звук бил по нервам.

Пять гудков. Шесть.

— Алло?

Голос Нади. Спокойный, ровный.

И еще... фоном играла музыка. Не радио. Живая музыка. Саксофон. И гул голосов, звон бокалов.

Она была не дома.

— Надя... — выдохнул я. Голос дрожал от боли и унижения. — Надя, это я. Витя.

— Здравствуй, Виктор. Я вижу, кто звонит. Что случилось? У тебя голос, будто ты вагон разгружал.

— Хуже... Спину прихватило. Прострел. Я на полу лежу... Встать не могу. Надя, спаси...

Я ожидал, что сейчас ее тон изменится. Что она ахнет: «Витя! Господи! Что же ты молчал!».

Но она молчала секунду. А потом сказала тем же ровным, светским тоном:

— Сочувствую. Радикулит — дело неприятное. Выпей обезболивающее и лежи на твердом.

— Нет таблеток! — взвыл я. — Ира не купила... Надя, приди, а? Сделай укол. У тебя же рука легкая... Ты рядом живешь. Я ампулы найду, или ты свои принеси... Я заплачу!

— Ты заплатишь? — в ее голосе проскользнула усмешка. — Витя, у тебя денег на суп в столовой не было. Чем ты платить собрался?

— Надя, не издевайся! Мне больно! Я пошевелиться не могу! Приди, прошу тебя! Мы же не чужие люди!

И тут она сказала то, что ударило меня сильнее любого радикулита.

— Не могу, Виктор. Я занята.

— В смысле занята? — опешил я. — Вечер пятницы! Чем ты можешь быть занята? Носки вяжешь? Я же говорю — человек умирает!

— Я не вяжу носки, — в трубке послышался мужской смех. Тихий, бархатистый. И звон стекла — чокаются? — Я на свидании, Витя. В ресторане. У меня сейчас подадут горячее, и я не собираюсь бросать мужчину и вкусный ужин ради того, чтобы ехать колоть твою задницу. Свидание.

Ресторан.

Мужчина.

Слова падали, как кирпичи.

— Ты... ты врешь! — выкрикнул я. — Какое свидание?! Ты же бабка! Тебе 55 лет! Кто тебя в ресторан поведет?

— Представь себе, нашлись желающие, — ее голос стал ледяным. — И он, в отличие от тебя, не просит меня быть медсестрой. Он за мной ухаживает.

— Надя! Ты не можешь меня бросить! Клятва Гиппократ! Ты обязана!

— Я давала клятву помогать больным. А ты не больной, Витя. Ты просто дурак, который сорвал спину, пытаясь изображать молодого козлика. Пусть твоя Ира тебя колет. Или дует на больное место. Она же молодая, легкая. Вот пусть и лечит. Интернет ей в помощь.

— Она не может! — почти зарыдал я. — Она уходит! В клуб!

— Ну вот видишь, — спокойно сказала Надя. — У всех свои планы. У Иры — клуб. У меня — свидание. А у тебя — радикулит. Каждому свое, Витя. Вызови скорую. Или такси до аптеки. Прощай.

Щелчок. И короткие гудки.

Я смотрел на телефон, не веря своим ушам.

Она бросила трубку.

Она отказала. Мне. Своему мужу (пусть и бывшему). Она выбрала какого-то мужика и жратву вместо того, чтобы спасти меня.

«Свидание»... Да врет она! Точно врет! Набивает цену! Сидит дома, жрет мои огурцы и врет!

Но музыка... И этот смех...

Воскресенский? Тот хирург?

Картинка сложилась в голове, причиняя боль, сравнимую с физической. Надя в шубе, накрашенная, сидит в дорогом ресторане напротив седого, импозантного мужика. Пьет вино. Улыбается.

А я лежу на грязном ковре в луже собственной беспомощности.

— Ну что, дозвонился своей старухе? — Ира вышла из ванной, уже полностью готовая. Платье сверкало, шлейф духов сшибал с ног.

— Она... она занята, — прохрипел я. Сказать, что мне отказали ради мужика, я не смог. Язык не повернулся. — Не придет.

— Ну я же говорила, — фыркнула Ира, надевая шубку. — Кому ты нужен со своими болячками, кроме меня?

«Кроме тебя?!» — хотелось заорать мне. — «Так останься! Помоги!»

— Ладно, котик, я побежала. Такси ждет. — Она наклонилась (не сильно) и послала мне воздушный поцелуй. — Ты не скучай тут. Вызови скорую, если совсем край. Дверь я захлопну, ключи у тебя в куртке. Пока-пока!

Цок-цок-цок. Каблуки простучали по ламинату.

Хлопнула дверь.

Щелкнул замок.

Я остался один.

В квартире повисла тишина, нарушаемая только шумом холодильника.

Я лежал на боку, сжимая в руке бесполезный телефон.

Боль грызла поясницу, как голодная собака.

Но еще больнее было внутри.

Я вдруг отчетливо понял: я один.

Иры нет. Ей плевать. Я для нее — кошелек, который сломался.

Дочери нет. Она продалась.

А Нади... Нади больше нет. Той Нади, которая прибегала по первому зову, которая дула на вавку, которая была моим тылом.

Я сам уничтожил этот тыл.

И теперь, лежа на полу в пустой квартире, я понял страшную вещь: я потерял единственного человека на свете, которому было не наплевать, жив я или сдох.

Из глаз покатились слезы. Злые, мужские слезы бессилия.

Я попытался подтянуть ноги к животу, чтобы хоть немного ослабить боль, и завыл в голос, кусая пыльный ворс ковра.

— Надя... Наденька...

Глава 15

Вторник начался с осознания того, что мой гардероб безнадежно устарел. Не физически — вещи были добротные, ношенные аккуратно, годами. Он устарел морально.

Я стояла в прихожей, глядя на себя в зеркало. Новая стрижка, уложенная волосок к волоску, свежий маникюр цвета спелой вишни, гордый разворот плеч... и поверх всего этого великолепия — мой старый темно-синий пуховик.

Тот самый, «практичный». Купленный на рынке три года назад по принципу «чтобы не марко и попу прикрывало». Он был мешковатым, с дурацким мехом на капюшоне, который после мокрого снега превращался в облезлую кошку.

В этом пуховике я выглядела как гусеница, которая очень хочет стать бабочкой, но кокон оказался из брезента.

— Нет, Надя, — сказала я своему отражению. — Так дело не пойдет. Королевы в таком мусор не выносят, не то что в новую жизнь входят.

Вечером, сразу после смены, я не побежала на автобус. Я решительно направилась в торговый центр «Плаза» — тот самый, где Виктор недавно продал душу дьяволу за золотой айфон. Только я шла не в электронику, а в галерею одежды.

Я бродила среди вешалок, чувствуя себя немного самозванкой. Ценники кусались. Внутренняя жаба, выдрессированная годами экономии на спичках, нашептывала: «Надя, опомнись! У тебя кредит за квартиру выплачен, но коммуналка растет! Куда тебе пальто за двадцать тысяч? Вон, пуховик еще крепкий, молнию только смазать...».

Рука привычно тянулась к черному, серому, темно-синему. «В автобусе не запачкают», «Ко всему подходит», «Скромненько».

Я взяла черное стеганое пальто. Примерила. Из зеркала на меня посмотрела уставшая женщина с труд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.